

ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ

(История глазами очевидца)

Предисловие

За моими плечами почти восемь десятилетий жизни, из которых работал пятьдесят пять лет, из них в течение сорока лет был руководителем одной школы и двух профтехучилищ. Когда я задумывал писать эти воспоминания, то увидел, что моя судьба напрямую связана с историей страны. Первый период моей жизни, который назван «Взросление. (Сталин и Хрущев, 1945-1965 гг.)» продолжался первые двадцать лет. Второй период, я назвал: «Созревание. (Золотая эпоха застоя. 1965-1985 гг.)». Это время когда я окончательно выбрал профессию и стал профессионалом. Третий период, названный: «Ожидание. Крах моего мира (1985-2005 гг.)» приходится на время горбачевской перестройки и переход к капитализму при Ельцине. Последний период я назвал: «Прозрение (2005-)». Это последний этап моей жизни независимо от того, сколько времени он еще продлится. В моей памяти сохранились события, затрагивающие почти восемьдесят лет моей жизни, которая неразрывно связана с судьбой всей страны. Время, вокруг которого сейчас ведутся ожесточенные споры, протекало на моих глазах. Пусть я тогда многого не понимал, осознание пришло гораздо позднее, но я, если не участник, то свидетель очень многих событий и сейчас могу дать показания, против тех, кто сознательно искажает историю моей страны.

Я родился в феврале 1945 года, когда еще гремела канонадами Великая Отечественная война и наши войска только начинали наступление на Берлин. И вот через семьдесят семь лет моей жизни, тоже в феврале 2022 года, началась новая война. На этот раз с собственными братьями, как говорят наши руководители. О том, что среди украинцев многие не считали себя братьями русским, я впервые узнал, проходя службу в Советской армии с 1964 по 1967 год. Но об этом дальше.

Прожитые годы начались в тяжелейшее послевоенное время. Я помню смерть И.В. Сталина и пуск атомного ледокола «Ленин». А день, когда полетел Ю.А. Гагарин, навсегда остался стоять перед глазами. Помню летний вечер 1956 года, когда в сельском клубе зачитывали информационное письмо о «культе личности» И.В. Сталина, а мы, мальчишки, теснились под раскрытыми окнами, стараясь понять, о чем идет речь. Помню, как в глухие села Северного Казахстана на смену керосиновым лампам приходило электричество. А еще помню, что в доме нашего соседа, председателя колхоза Островного Ивана Прокопьевича в одной комнате были деревянные полы, а в другой земляные. Это для тех, кто сегодня рассказывает о красивой жизни советской номенклатуры. Помню, как после обильного урожая 1956 года в деревне появились первые мотоциклы: «Ковровцы», «Ижи» и даже один трехколесный «М-72», которые продавались передовым комбайнерам и трактористам, намолотившим много зерна. Помню, как в магазине стояли щегольские фетровые сапоги, обшитые желтой кожей и с такой же подошвой, но их никто не брал, потому, что они стоили страшно дорого,

рублей 30, а велосипед – 50, но велосипед был вещью необходимой в хозяйстве, а щегольские сапоги нет. Такие сапоги были у нашего преподавателя английского языка Гирш Рудольфа Ивановича и его жены. Для нас, сельских подростков, учителя в то время были эталоном поведения и примером для подражания, в том числе и в вопросах моды. Это к вопросу как жили советские учителя при Сталине и после его смерти. Помню и шоколадные конфеты в сельском магазине, которые лежали до тех пор, пока в них не завелись черви, потому что платить за них 7 рублей 50 копеек было не по карману простому колхознику.

Помню горячие споры с отцом, когда я, получивший в школе антисталинский прививку, доказывал ему, прошедшему фронт и потерявшему на нем ногу, что Сталин – это зло, но отец и мать до своего ухода из жизни оставались преданными вождю, а я убедился в их правоте только через двадцать лет после начала реставрации капитализма.

Взрослая жизнь закружила в водовороте забот и событий. Однако все мы смотрели программу «Время» в конце дня, из которой узнавали о событиях в стране и мире. Конечно, пропаганда действовала, но она была позитивной, нацеливая на плодотворный труд, и не пугала природными катаклизмами или войнами. Позднее поэт сложил песню «Птица счастья завтрашнего дня», которая утверждала, что «завтра будет лучше, чем вчера» и в это верили. В начале 1990-х годов сторонники капиталистических реформ убеждали людей, что они должны научиться жить в условиях неопределенности, что означает нестабильность. Но люди наоборот хотят стабильности, и неопределенность лишает их уверенности и надежды, подрывая здоровье. Сегодня я по-своему оцениваю акцию бессмертный полк и не даю фоторафии своего отца, так как он воевал не за обнаглевших олигархов, презирающих российские народы и не за власть, которая прячет во время парадов Мавзолей Ленина и могилу Сталина. Эта акция лицемерие власти, желающей замаскировать свою антинародную сущность, чтобы обмануть этот самый народ. Мой отец, как и миллионы других воинов, воевал за советскую власть, за социализм, против наступавшего фашизма. И участвовать в лицемерных акциях властей значит предавать память моего отца и других воинов.

Часть I. ВЗРОСЛЕНИЕ

Так сложилось, что моя жизнь началась в феврале 1945 года, когда Красная Армия подходила к Берлину, громя объединенную Европу. Не многие знают, что Берлин обороняли не только немцы, но и французы, датчане, норвежцы, шведы, голландцы, испанцы и латыши, защищали Берлин также украинцы и азербайджанцы. Через семьдесят семь лет наша страна вновь воюет против объединенной Европы, которая хочет руками украинцев разгромить Россию. Между этими событиями пролегла моя жизнь.

Написание мемуаров казалось для меня тщеславным занятием, но, подходя к своему восьмидесятилетию, я понял, что поколения, родившиеся после ликвидации Советского Союза, совершенно не представляют времени,

в котором жили мы. Они думают, что времена СССР – это времена Гулага, а мы, жившие тогда, не знали, что это такое. Перед нами вставала не картина репрессий, а разворачивалась грандиозная стройка, которая меняла лицо страны и психологию людей. В Советском Союзе рождался Советский человек, о котором с тоской вспоминают те, кто жил тогда. Мы были другими, чем сегодняшние, поэтому многие из нас не смогли вписаться в рынок. О том, как происходило формирование советского человека или совка по выражению либералов, а потом его ломка, я и хочу поделиться.

Предки

В исламской или иудейской традиции дети должны знать своих предков до седьмого колена. Новая европейская традиция делает разрушение семейных связей главной задачей государства: родителей по малейшему лишают родительских прав, а детей отдают в приемные семьи, в которых они не только не узнают, кем были их деды и прадеды, но и забывают родителей.

Хорошо потомкам старинных дворянских, купеческих, казацких или иных родов, в которых не было катастрофических перерывов, стиравших историю предков до белых пятен, поэтому знающих свое родословное древо не только до седьмого колена, но и уходящее в глубокую древность. Для мальчишки, родившегося в глухой деревне, на стыке границ Северо-Казахстанской, Омской и Тюменской областей, история его предков почти не известна, так как полна трагическими перерывами в их судьбах. Я даже не знаю, где родился, в больнице, так как роддомов не было, или в бане, как бывало во многих случаях в то время. Своего деда и бабушку я знал и видел только по материнской линии.

Родители матери

Лахтик Леон Демидович и Парасковья Яковлевна - родители моей матери Мальцевой, урожденной Лахтик, Прасковьи Леонтьевны. Почти все мои предки попали в Сибирь не от хорошей жизни. Бабушка по материнской линии родилась в семье переселенца из Полтавской губернии моего прадеда Якова Тимошенко. В годы столыпинских реформ он вместе с пятью сыновьями и дочерью приехал в поисках земли и лучшей доли в Омский уезд Акмолинской области, современная Омская область, а Акмолинск сейчас называется Астаной, столицей Казахстана. Примерно в 1971 году мне довелось побывать у бабушкиного брата – деда Тимошенко Ивана Яковлевича. Это был могучий сухощавый старик на голову выше меня. Он жил в добротном для советских времен доме. Чувствовалось, что это настоящий хозяин. Помню, у него было несколько детей. Одного из сыновей я застал, но он не проявил ко мне интереса, а я не стал навязываться. Знаю, что он закончил в Омске пединститут и где-то работал.

Дед - Лахтик Леон Демидович

Я помню, что в детстве моего деда «Лявона», как произносили односельчане, обычно звали «Лахтиком». Трагическая и необыкновенная судьба этого человека потрясает. Его появление в Сибири связано с революцией 1905 года. Результатом расправы над бунтовщиками были

тысячи осужденных, которых гнали на каторгу за Урал. Видимо, в связи с Русско-Японской войной не хватало поездов, и этапы шли пешком. По рассказам моей матери я знаю, что одна из каторжанок - мать моего деда была поставлена на ночлег зимней ночью с маленьким ребенком, который был сильно болен, у приютивших людей. Наутро хозяева сказали ей: «Оставь «дитенка», он не выдержит дальнейшей дороги и умрет». Моя прабабка согласилась и оставила деда у незнакомых людей. Он выжил. У людей, приютивших деда, не было своих детей, и они воспитали его как собственного сына. Жили они в селе со странным названием Дурбет, которое сохранилось до наших дней в Называевском районе Омской области. Мне понадобилось несколько часов, чтобы выяснить в Интернет, откуда произошло это слово. Оказывается, такое название носит западно-монгольское племя, представители которого до наших дней живут в Монголии и Бурятии. Видимо в незапамятные времена этот народ кочевал в омской лесостепи, оставив русским поселенцам свое имя.

Леон Демидович Лахтик – полное имя моего деда, каким образом его фамилия связана с названием финского города Лахти, я не знаю. Не знаю чье у него отчество, скорее всего, приемного отца. Дед был выше среднего роста, худощавый, с мощными жилистыми руками и типично славянской внешностью. Прямой нос, высокий лоб, очень короткая стрижка ежиком. Только несколько широковатые скулы выдавали в нем примесь восточных кровей. Таких людей как дед сегодня не сохранилось. Прежняя власть не советская, а антирусская постаралась их уничтожить, потому что он был настоящий русский мужик-хозяин. Сколько я себя помню в раннем детстве, дед всегда работал. Он умел все: делать бочки, подшивать валенки, выделывать кожи и шить из нее сапоги, гнуть полозья и делать сани, шить конскую упряжь и гнать деготь. Пока в магазинах не появилось достаточно товаров, дед обувал всех детей и внуков. В раннем детстве я носил сапоги, сшитые им. Весной, когда березы источали сок, он утром и вечером с ведрами на коромысле обходил окрестные леса и собирал живительную влагу из поставленных под деревьями корыт, которые выдалбливал сам. Помню, в его доме была темная и прохладная в летнюю жару кладовая, в которой стояли до конца сенокоса две бочки с березовым квасом, а рядом на табурете большая алюминиевая кружка из которой я жадно пил прохладный и сладковато-пахучий квас. Зимой дед ставил петли и приносил домой зайцев, куропаток и даже тетеревов. А еще дед умел лечить животных. Все село звало его «выложить» кабанчика или бычка, к нему вели заболевшую корову. Он был и коровьим акушером, так как и у животных роды не всегда проходят легко. Дед долгое время официально работал в колхозе ветеринарным фельдшером, хотя окончил только церковно-приходскую школу и кроме каких-то краткосрочных курсов нигде не учился.

Когда я сегодня слышу, как картавые интеллектуалы с экрана телевизора вещают, что русские ленивы, не хотят работать, а только пить, я вспоминаю деда и пытаюсь его понять. Да, к концу пятидесятых годов он

стал увлекаться зеленым змием. Дети выросли, магазины наполнились товарами, в колхозе появились зоотехники и ветеринары, окончившие сельхозтехникумы или институты, надобность в его знаниях и умениях отпала, его перевели в пастухи. Думаю, что он знал животных лучше многих новоиспеченных специалистов с дипломами, но в этих дипломах и было их преимущество.

Потом было то, что назвали «Хрущевской оттепелью». Кто-то ей рукоплещет, а кто-то считает сознательно рассчитанным ударом, направленным на уничтожение сохранившихся со времен Сталина артельных принципов и началом уничтожения советской системы.

Политика разорения и обнищания крестьян насаждалась сверху руками Хрущева и его приспешников. Работа в колхозе давала жалкие трудодни, которые отоваривались один раз в году зерном и с середины 1950-х годов деньгами. Выживали колхозники в те годы за счет приусадебных хозяйств. Это в последние десятилетия советских времен вспомнили о материальной заинтересованности, но те труженики и страдальцы земли русской уже сгнули. Новое понимание материальных интересов, словно готовило молодые поколения к грядущему капитализму. Такая социализация крестьян отнимала у мужика все стимулы для плодотворного труда. Нельзя было построить добротный дом или купить дополнительную живность. Только спекуляция и какая-нибудь «левая» торговля позволяли иметь дополнительный доход, но редкий русский мужик умеет ловчить и торговлей добиваться благосостояния. Большинство умело просто работать, а работа, которая не приносила доходов, была просто бессмысленна. Пьянство стало протестом против безысходности убогого и нищенского существования, в которое загоняла людей власть хрущевских реформаторов. Борьба Хрущева с коллективной собственностью привела к закрытию многих артелей, производивших недостающие товары. Существовали многочисленные, швейные цеха и даже индивидуальные портные и сапожники, которые изготавливали очень качественные вещи. Помню, у нас в районе был кирпичный завод, работавший на артельных началах, когда артель закрыли, он прекратил существование, и за кирпичом приходилось далеко ездить.

Артели были тем, что сейчас называется индивидуальным предпринимательством и малым бизнесом. При этом в них не было одного хозяина, все вопросы решались на общем собрании, кроме оперативного руководства, которое осуществлял председатель. По этому же принципу работали и колхозы. Отец рассказывал, что в одном из колхозов крестьяне отказались голосовать за избрание председателем человека, рекомендованного райкомом партии. Трижды собиралось собрание и трижды колхозники были против. Так и остался работать человек, поддержанный коллективом. Хрущев ликвидировал МТС, выделявшие колхозам технику, принадлежащую государству. Теперь технику должны были выкупить колхозы, что подорвало их экономику. Чтобы выправить положение Хрущев перевел большинство колхозов в совхозы, бывшие государственными

предприятиями, где господствовало единоначалие, а демократия сводилась к участию в партийных или профсоюзных собраниях.

Из рассказов деда я помню, что в шестнадцать лет он был призван колчаковцами вместе с лошадей и повозкой в обоз отступающей белой армии. Он считал героическим поступком свое ночное бегство из обоза домой. А вот о более поздних годах своей жизни дед не рассказывал. Видимо были причины. Я могу только догадываться, почему дед покинул родной Дурбет и оказался в селе Ренево, Конюховского района, Северо-Казахстанской области в середине 1930-х годов. Всю жизнь я воспринимал название села как анахронизм, пришедший из старых времен, и не задумывался о его значении. Только начав писать эти воспоминания, я постарался выяснить, что оно значит? Оказывается это довольно распространенная в России фамилия, образованная от сокращенной формы имен Андрей, Сергей или некоторых других, а еще это слово означает речную отмель, но рек или ручьев в тех местах не было. Мой дед оказался в этом селе уже после коллективизации, по-видимому, в Казахстане законы были более либеральными. По каким причинам он сохранил фамилию родной матери, я не знаю. От моей мамы я слышал, что фамилия приемных родителей деда была Хорьковы.

На фронт во время Великой Отечественной войны дед не попал. У него были большие проблемы со слухом. Помню, как он подставлял ухо, чтобы я кричал ему. Об этом периоде дед ничего не рассказывал, кроме того, что его призвали в трудовую армию. Где он трудился, я не знаю, но вернулся оттуда с туберкулезом. Я слышал, что для излечения дед добывал собачий, барсучий и медвежий жир. Жили впроголодь, лекарств не было, барсуки и медведи в той местности не водились. Как он вылечился мне уже не узнать.

Однако, несмотря на повышение уровня жизни к 1960 годам в судьбе деда ничего хорошего не происходило. Наоборот, в конце жизни его ждала еще одна трагедия. Помню, я учился в 9-м классе, это была весна 1960 года, когда ко мне в школу пришел дед, подарил металлическую баночку конфет-леденцов и сказал, что он приехал из Перми от своей родной матери, моей прабабушки. Лишь став взрослым я узнал, какая трагедия разыгралась в жизни деда в то время. Его родная мать нашла его через пятьдесят лет. Он поехал к ней в город Пермь, где застал, по-видимому, в плачевном состоянии. Она нуждалась в уходе. Когда он вернулся домой и заявил, что хочет привезти свою мать, то бабушка Паруня резко выступила против. Дело в том, что она во время войны несколько лет ухаживала за парализованной приемной матерью деда и вытерпела при этом невероятные мучения. Присмотреть за детьми, управиться со скотиной, сварить, подоить, прибрать, постирать, при этом работать в колхозе, а на руках еще недвижимая старуха, которая испражнялась под себя, и ее нужно было помыть и накормить.

Бабушку можно понять, тогда ей самой уже было около шестидесяти, а дед предлагает привезти восьмидесятилетнюю старуху, которая им фактически чужая. Они ее никогда не видели, поэтому первый вопрос,

который она задала деду, был следующий, почему она не искала тебя, когда была молода и здорова? Дед не смог простить бабушку и уехал от нее в целинный совхоз имени Таманской дивизии, Возвышенского района, где проработал несколько лет пастухом. Из-за этого отъезда он потерял право на колхозную пенсию и, когда стал пенсионером, ему начислили 12 рублей в месяц, хотя он работал с детских лет. На эти деньги жить было очень трудно. Они с бабушкой не разводились, но и вместе не жили. Помню, когда бабушка умерла в декабре 1969 года, он очень сильно переживал. Ее хоронили в сильный мороз. Собрались шестеро детей и мы, многочисленные внуки, которых было к тому времени человек пятнадцать.

Последние годы жизни дед часто и подолгу болел. Ему отказывали ноги. Помню последний раз, он приезжал ко мне в гости летом 1972 года, когда я работал заместителем председателя райисполкома, и не смог уделить ему достаточно внимания.

Дед - Мальцев Николай Абрамович

Говорить об этнических корнях моего деда затруднительно, так как мой отец объяснял его еврейское отчество тем, что и предок А.С. Пушкина носил имя Абрам Ганнибал. Этнологи говорят, что этническая принадлежность человека определяется не его генетической родословной, а духовным родством с каким-либо народом, причем, человек сам определяет свою этническую принадлежность. А. С. Пушкин является гениальным поэтом не еврейского или эфиопского народа, а русского, которому он посвятил не только свою поэзию, но и душу. Его принадлежность к русскому народу неоспорима. Он дал каждому русскому чувство гордости за свою страну и свою культуру. Он сделал для России, наверное, нисколько не меньше чем Иван Грозный или Петр Великий, а может быть и больше. Еще один колосс с нерусским, но гордым именем Лев и русской фамилией, - Толстой является гордостью русского народа.

От отца я никогда не слышал и нотки сомнения в своей русскости, хотя его деда звали Абрам Моисеевич. От отца я узнал, что мои предки с русской фамилией и нерусскими именами стали таковыми благодаря церковному батюшке на их прежней родине в Поволжье, который называл детей ветхозаветными именами, которые находил в святцах. Кто теперь это перепроверит, поэтому каждый из потомков может выбирать ту версию, которая ему ближе. Я, как и отец, считаю русский народ своим и счастливым, что к нему принадлежу.

Отец говорил, что его дед, а мой прадед был сослан в Сибирь за убийство конокрада, которое совершил вместе с мужиками своей деревни. Где и как он отбывал наказание, я не знаю. Мне известно только то, что на станции Исилькуль, что стоит на Транссибе на границе с Казахстаном дед жил со своей семьей в период Гражданской войны.

Бабушка Ульяна, урожденная Пургина, мать моего отца, одна из всех моих предков была коренной сибирячкой. Она родилась в семье сибирского казака станицы Пресновской, расположенной на Горькой линии – цепи

станци в зоне лесостепи на границе между казахскими степями и российскими землями между Оренбургом и Омском. Горькой линией она была названа по большому количеству озер с соленой водой, тянувшихся цепью по краю степи. Во времена освоения Сибири эта линия служила заслоном от нападений лихих кочевников на казачьи станицы и деревни русских переселенцев. Станица, основанная в 1752 году, стала прибежищем сосланных запорожцев и местом службы донских и уральских казаков, направлявшихся для охраны рубежей Российской империи.

В Исилькуле у деда была пекарня, на которой работала вся семья. Дети, как только начинали делать осмысленные движения, приобщались к семейному труду, а их у деда было пятеро. Самые маленькие из теста раскатывали баранки. А старшие вместе с отцом выполняли остальную работу. На долю бабушки Ульяны выпадала главная роль, она определяла готовность хлебов, сдобы и вытаскивала их печи, поэтому ее лицо было обожжено печным жаром, и кожа болела. Мальцевский хлеб был известен всем жителем Исилькуля и за ним шли из самых дальних концов станции.

Дед Николай тоже не остался в стороне от революционных событий. Его брат, имени которого не знаю, но фотографию в детстве видел, волею судеб учился в Екатеринбурге, видимо, в горном институте и участвовал в революционном движении. О его судьбе достоверно известно только то, что отступавшие колчаковцы привезли его в Исилькуль в вагоне-леднике, предназначенном для перевозки скоропортящихся продуктов. Каким-то образом он передал деду, что находится в Исилькуле. Видимо это сделали сами белогвардейцы в надежде получить мзду. Действительно дед собрал деньги и вызволил брата, но было уже поздно. Застудивший весь организм узник проболел всего несколько дней и умер.

Кончилась Гражданская война, наступил НЭП, казалось бы, вот она свободная и обеспеченная жизнь, но нет, деда и его семью ожидала страшная трагедия. С началом коллективизации, когда раскулачивали зажиточных крестьян и ремесленников, разгорелись самые низменные страсти, которые поощрялись властями. Одному из соседей деда понравился его дом и вся усадьба, чтобы их получить, он пишет донос, в котором сообщает, что дед использует наемных работников и является эксплуататором, который заслуживает раскулачивания и ссылки. Реакция последовала незамедлительно. Всю семью вместе с детьми отправляют в город Бердск, близ Новосибирска. Это был страшный удар. За год, который семья пробыла в Бердске, происходят трагические события. Главное из них - смерть бабушки, вслед за ней утонула одна из дочерей – Лиза и умерла вторая, имени которой я не знаю. Дед пишет жалобы, его отпускают из ссылки, но почти половины семьи нет. Первыми в Исилькуль выезжают дети: старший сын – Виктор, мой отец и младшая дочь Надя. Они едут без денег и еды. Голод нестерпим, Надя постоянно плачет. Какие-то люди предлагают: «Возьмите булку хлеба и отдайте девочку». Мальчишки, отцу одиннадцать лет, а Виктору шестнадцать решают обменять сестру за хлеб. Получив хлеб,

они идут в другой вагон, но есть не могут и, возвратившись к этим людям, совершают обратный обмен, вернув сестру.

Я не знаю всех подробностей жизни моего отца и деда в этот период. Помню только детали, о которых и расскажу. После возвращения в Исилькуль дед устроился работать почтальоном. Можно представить трагедию человека лишившегося всего и потерявшего всякий смысл в жизни. Дед не выдержал и стал злоупотреблять зеленым змием. Кто-то из знакомых присоветовал деду, что есть одинокая женщина, которую тоже преследуют беды, за то, что она была женой казачьего атамана или сотника станицы Лебяжья крепость. Она была из простой казачьей семьи, а в дом атамана попала вначале как прислуга, а затем его сын обратил на нее внимание. Была ли она его законной женой, не знаю. Но ее возлюбленный погиб во время Гражданской войны. Эта женщина пришла в дом деда и стала матерью для его младшей дочери – моей тети Нади, которой было около трех лет, и которую она воспитала. Надежда Николаевна жила с мачехой до самой ее смерти.

Дед недолго прожил с новой хозяйкой. Говорили, что он зимним вечером разносил почту, будучи нетрезвым, упал в сугроб и замерз. Можно представить трагедию женщины, пришедшей в чужую семью с тремя детьми и лишившейся кормильца. В Сибири той зимой был голод. Нужно было спасать детей. У этой женщины была сильная воля и казацкая кровь. Другая бы в подобной ситуации растерялась и отказалась от детей, но мачеха была не такой. По железнодорожной станции Исилькуль ходил слух, что «Ташкент – город хлебный». И она решает спастись с детьми в Ташкенте. Где они жили в этом городе, я не знаю. Отец говорил, что зарабатывал на жизнь тем, что продавал на железнодорожном вокзале воду пассажирам проходящих поездов. Так продолжалось год или два. Главное, что все выжили. Теплый климат не требовал большого количества пищи и теплой одежды. Однако дальнейшая жизнь в Средней Азии для мальчишек становилась бессмысленной. В стране начинается индустриализация, которая требует большого числа молодых рабочих. Для их подготовки открываются многочисленные фабрично-заводские училища, которые не только учили, но одевали и давали места в общежитиях. Видимо, мачеха надумала отца и его старшего брата поступить в такие училища. Они не стали этого делать в Ташкенте, а решили вернуться на родину в Сибирь и уехали в Омск, где оба поступили учиться.

Что бы в наше время ни говорили о советском периоде, та система давала человеку, даже подростку, социальную защищенность. Она дала отцу возможность закончить семь классов и получить рабочую специальность токаря. Он не стал вором или попрошайкой, а вырос рабочим человеком.

Война

Война застала моих родителей в разных местах. Отец уже три или четыре года служил в армии в Приморском крае, а мать работала на Урале в городе Невьянске на заводе. Это ответ антисоветчикам, утверждающим, что

колхозы как при крепостничестве никуда не отпускали молодежь. Мать работала на заводе до тех пор, пока не возникла угроза призыва в трудовую армию. Попасть в нее было очень безрадостно, поэтому она уехала к родителям в деревню, где устроилась работать продавцом в маленький магазинчик.

Отец служил и к 1942 году стал старшиной роты. После начала Сталинградской битвы его часть перебрасывают туда. В самом Сталинграде ему не пришлось воевать, он участвовал в боях по окружению и разгрому фашистов в Воронежской области. Здесь, под городом Россошь, был ранен: фашист очередью из автомата прошел обе ноги. Одну ногу врачи спасли, а другую он потерял. Полгода лечился отец в госпитале в городе Куйбышев, теперь Самара. После излечения, на костылях он отправился к старшему брату Виктору, который жил в деревне Ренево. Виктор до войны заболел туберкулезом и в армию не призывался. Там он встретился с моей матерью, Паной Леонтьевной, как она себя называла, и в 1944 году они поженились.

Отец не смог работать по прежней специальности токаря, так как он передвигался на костылях и отстоять рабочую смену у станка не мог. Вскоре он устроился работать в школу учителем, а чуть позже поступил в педагогический техникум на заочное отделение.

В конце 1940-х годов он стал ходить на протезе. Помню забавный случай, когда я нашалил, он снял ремень, чтобы наказать меня, но я стал убегать и громко кричать: «Не догонишь, не догонишь!». Однако к моему удивлению он догнал. Я не помню, чтобы мне было больно, но отец защитил свое мужское достоинство перед мальчишкой, которому было 3 или 4 года. Что касается наказаний, то отец только один раз меня выпорол ремнем. Дело было весной во время половодья, я уже учился во втором или третьем классе и вместе с мальчишками обследовал окрестные лужи. Опершись на забор, я стал палкой измерять глубину лужи, которая оказалась ямой. Забор покачнулся, и я упал головой в воду, а ноги остались на берегу, руки не доставали до дна, я начал захлебываться. Мои товарищи не растерялись и за ноги вытащили из воды. Домой я пришел мокрый с головы до ног, а мальчишки еще рассказали, как тащили меня за ноги из ямы. Вот тут отец и преподнес мне урок, чтобы, не зная броду, не совался в воду.

Всю жизнь отец проработал учителем. Только однажды он на короткий срок переходил работать инструктором райкома партии. Эта работа была связана с частыми разъездами по колхозам, и он вскоре отказался. Алексей Николаевич был сельским корреспондентом районной и областной газет. Большинство людей, знавших его, отзывались с большим уважением. Отец любил читать книги, и я заразился этой любовью от него. Он старался достать мне самые интересные книги. Еще в начальных классах перечитал Аркадия Гайдара и Николая Островского. Толстенную книгу «Старая крепость» я прочитал за три дня, когда учился в 7 классе. Уже живя у тети Нади в Ташкенте, я перечитал всего Джека Лондона, который оказал на меня большое влияние и я старался подражать его героям. Отец всю жизнь

проработал в малокомплектных сельских школах. Малокомплектными они назывались потому, что в них училось мало детей. Сегодняшние оптимизаторы образования оставили села без школ, а тогда считалось, что село не может жить без школы. Если детей было совсем мало, то в такой школе работал всего один учитель, но обычно их было двое. Чтобы сохранялась преемственность в обучении, и учитель работал с детьми с первого по четвертый класс, детей делили. Один учитель вел 1 – 3 классы, а второй – 2 – 4. В такой школе учился и я у собственного отца. Когда учился в пятом классе, то никак не смог научиться решать задачи и только отец объяснил принцип их решения. Всю жизнь отдал Алексей Николаевич детям, и они любили его, чувствуя доброту. Не смотря ни на что такая система начального образования дала возможность многим моим односельчанам получить высшее образование.

Мать, Прасковья Леонтьевна была удивительной женщиной. Она обладала тонкой интуицией и способностью увидеть сущность человека. Всю жизнь она проработала продавцом и сохраняла добрые отношения с сельчанами.

Картинки детства

Воспоминания детства всплывают в памяти как не связанные картинки. Со сколько лет я начал помнить не знаю, но сохранилась картинка ссоры родителей, когда мать подхватила меня на вытянутые руки, подняла над головой и протянула отцу, словно доказательство своей правоты. Она была не высокого роста и не очень крупной, поэтому совершить такую операцию могла только с ребенком, которому было около двух лет.

Мое раннее детство пришлось на послевоенные годы, когда страна восстанавливалась. Трудно было всем, но были люди, которым было труднее всего, среди них инвалиды и вдовы солдат, не вернувшихся с войны. Одну из них звали Катя-чума. У нее было четверо или пятеро детей, которых называли «чуманята». Может это прозвище свидетельствовало об их нечистоплотности, не знаю. Знаю, что зиму эти дети проводили на большой русской печи, а выходили на улицу, чтобы сбегать в туалет, босиком. Тем не менее, все дети выросли и ни один не умер. Видимо, колхоз помогал этой семье. Они были старше меня, и некоторых я встречал позднее. Один служил на флоте и после увольнения заходил к нам. Это был темноволосый, высокий и статный красавец. Все парни получили профессии и стали нормально жить.

Десятки тысяч заводов и фабрик только начали переходить на выпуск мирной продукции. Ощущалась нехватка всего. Помню, отец вытаскивал старые гвозди, выравнивал их и пускал в дело снова. Детская одежда до нашей глубинки не доходила, поэтому мать шила мне не только рубашки и штанишки, но даже пальто. Помню зимнее морозное утро, я иду от деда с бабушкой пешком через всю деревню, на руках нет рукавиц, поэтому прячу их в рукава своего пальто. Из носа течет, и я вытираю его рукавом пальто. Рукава от локтей и ниже блестят от моих выделений. На середине пути, чувствую, что сильно замерз. На пути стоит дом брата моего отца, дяди Вити,

я взбираюсь на крыльцо и начинаю стучать ногами в двери. Ноги одеты в валенки, которые глушат звук, да и я был слишком мал, чтобы ударить так сильно, чтобы услышали. Постучать в окна я не мог, так как они были высоко и не мог достать. Видя бесплодность своих усилий, спускаюсь назад и иду по пустой улице, тихо поскуливая. Когда пришел домой, руки были белые. Мать налила в тазик холодной воды и опустила руки туда, их пронзила сильная боль, а я стоял, пританцовывая и плача. До сих пор чувствую, что руки быстро мерзнут при сравнительно теплой погоде.

Проблема воды в наших местах стояла тогда очень остро. Дело было в том, что в колодцах, выкопанных около дома, вода везде была соленой. Такой колодец выкопал и дед с моими дядьями, но воду из него не пил даже скот, такой соленой она была. Помню, что летом бабушка использовала колодец в качестве холодильника и опускала в него ведра с молоком или сметаной, чтобы не скисли. Еще колодец служил в качестве пожарного резервуара. Зимой вся деревня гоняла животных на водопой на озеро к проруби. Люди пили эту воду вместе с животными. Интересно, что никаких кишечных заболеваний тогда не знали, кроме расстройства желудка, которое случалось не чаще, чем сейчас.

Помню яркий солнечный день, дело было, видимо, в марте, наша соседка, тетя Валя запрягла в сани корову, поставила большую бочку и взяла меня. Мы поехали на озеро за водой. Тетя Валя стояла позади бочки, а я крутился спереди и вдруг упал под сани. Сани зацепили за мое пальцецо и поволокли. Дорога была устелена коровьими лепешками, и я должен был преодолеть каждую из них. Они били меня по груди, я задыхался и орал благим матом. Тетя Валя не могла остановить корову, запряженную в ярмо. На крики корова не реагировала и продолжала идти, а я орать. Тетя Валя пустилась обгонять корову сбоку дороги, проваливаясь в снег чуть ли не по пояс. Забежав впереди коровы, она ее остановила, и я был извлечен из-под саней.

Дети не могут без игрушек, у нас не было фабричных, которыми играют сейчас. Их не выпускали. Все фабрики и заводы работали для фронта, обеспечивая победу. Не было даже пустышек, которые дают детям, чтобы успокоить, хотя сегодня говорят, что этого нельзя делать. Матери и бабушки жевали хлеб и делали «жваники», которые заворачивали в марлю, засовывали ребенку в рот и он успокаивался. Игрушки мы делали сами. Зимой я часто ходил играть к своему соседу и другу – Толику Тринченко. У них был большой, по меркам нашей деревни, двухкомнатный дом, но самое главное в нем были полати, так называли настил из досок, который делали под потолком, рядом с русской печью, с которой на них залезали по брусу, на котором держались доски. Помню присказку: «С печи на полати, по брусу домой». Полати были самым теплым местом в доме, так как холодный воздух распространялся от дверей по полу и до полатей мог достать, когда печь остывала полностью. Расположившись на теплых полатях, мы с Толиком играли в коней. Так называли вырезанные из бересты фигурки,

напоминавшие лошадей и людей. Вырезали их сами или на помощь приходили старшие. Целыми днями мы с Толиком скакали на этих лошадях. Первой фабричной игрушкой, которую купил мне отец, был деревянный конь, на которого я мог взбираться.

Вспоминается забавный эпизод, противостояния с друзьями, когда мы уже учились в школе. Отец делал калитку во дворе и обтесал деревянные столбики для нее. Столбики вкопал, а щепка осталась лежать около. Я ее собрал вокруг одного столбика, как вдруг появились мои друзья Толик Тринченко и Пашка Маринин, по имени матери, его настоящую фамилию я не помню. Они решили забрать щепку и унести к себе домой в печку. Такого покушения на частную собственность я не мог вынести и наступил на кучу щепы. Они начали меня сталкивать с кучи, но я обхватил столбик руками и не отступал. Убедившись, что столкнуть с кучи меня невозможно, один из них предложил: «Давай ему руки царапать». Ногти на пальцах тогда стригли не часто, и они были хорошим инструментом для нанесения ран. Они принялись вдвоем царапать мне запястья рук, но я не сдавался. Увидев тщетность своих действий, они ушли раздосадованные, так как придумать более садистские пытки не смогли. Когда мать пришла с работы, я ей показал разодранные ногтями в кровь запястья и с гордостью рассказал, как отстоял наши щепки. Мать рассказала про это моим теткам, которые стали подшучивать надо мной: «Они дерут, а я стою».

Кино было единственным массовым развлечением, доступным в то время, которое любили все: дети и взрослые. Киномеханик был самым почетным гостем в деревне. Его привозили на санях или в телеге вместе с киноаппаратом и движком. Двигатель приводил в действие электрогенератор, который давал свет для кинопроектора. В помещении вывешивалась электрическая лампочка, которая загоралась, когда механик перезаряжал ленту. Кино демонстрировали в клубе, который представлял собой длинную комнату с расставленными деревянными лавками и небольшой сценой, на которой крепилось белое полотно экрана. Взрослые рассаживались на скамейках, а детвора прямо на полу, так как снизу вверх все было видно. Кино привозили не часто: раз или два в месяц, но просмотр фильма был событием, которое долго обсуждали.

В детстве я неоднократно попадал в ситуации, связанные с риском для жизни или получением увечья. Однажды я ехал с дедом и бабушкой в лес. Лошадь была запряжена в телегу, с укрепленными по бокам лестницами, между которыми было удобно накладывать сено. Дед сидел впереди и управлял лошастью, бабушка сидела позади него, а я возился в конце телеги. Вдруг моя нога провалилась между перекладинами лестницами и оказалась между телегой и колесом. Если бы она попала в колесо, то ее бы сломало, но в таком положении колесные спицы ее только мяли. Мне стало больно и страшно, и я заорал, что было силы. Бабушка тут же вытащила меня. Я не помню, чтобы они меня ругали, так же было и на этот раз. Бабушка осмотрела ногу, протерла ее тряпочкой, погладила меня по голове, сказала,

чтобы сидел смирно. Надо сказать, что дед и бабушка никогда не ругались матом. Эти полуграмотные крестьяне, верили в Бога и считали, что матерно ругаться грех, в отличие от сегодняшних высокообразованных интеллектуалов, которые считают допустимой использование нецензурной лексики на театральной сцене или с экрана телевизора.

Второй случай, когда я мог получить значительные увечья или даже погибнуть, произошел в 11-ти или 12 летнем возрасте. Летом я был в гостях у деда с бабушкой и играл с мальчишками. Был сенокос и по деревне ходил трактор, с прицепленными санями, сделанными из толстых бревен в виде волокуши, на которой возили сено. Поверху саней был настил из жердей (молодых деревьев), на которые накладывали сено. Увидев трактор, мы побежали за ним, жерди торчали острыми концами, но между ними были промежутки. Найдя такой промежуток, я прыгнул на сено и упал в темноту, успев в последний момент одной рукой ухватиться за жерди и повиснуть над землей. Трактор двигался, и меня тащило, одно плечо терлось о землю, было страшно и больно. Когда остановили трактор и вытащили меня, тракторист не пожалел отборных выражений и даже замахивался на меня железным ключом. Подавленный я пришел домой, дед смазал плечо мазью для лечения животных и через несколько дней все прошло.

Когда мне было лет двенадцать, и я приехал на каникулы, дед вынес ружье, у него была одностволка шестнадцатого калибра, патронташ, полный патронов и сказал: «Иди на озеро охотиться». Я поспешил на озеро, в котором плавали утки и начал по ним палить. К счастью не попал. С охраной природы в те годы было слабовато. Осенью через нашу деревню на мотоциклах проезжали охотники из Исилькуля. Через сиденья свешивались мешки, набитые добытой дичью.

Островные

Значительный след в памяти о моем детстве оставила семья Островных. Глава семейства Островной Иван Прокопьевич, когда я его впервые увидел, был председателем колхоза, крупным, грузным мужчиной с горбатым носом и ярко выраженным украинским выговором. Его жена - тетя Женя оставила в памяти след чрезвычайно доброго человека. Семья говорила на смеси русского и украинского языков. У них было пятеро сыновей: Иван, Мишуха, Шурка, Вовка и Пашуха. Ивана я не видел никогда, так как он жил где-то на целине, а с остальными я общался, и они по-своему воспитывали меня. Ближе всех был Шурка, который учился в строительном техникуме в то время, когда я у них жил на квартире и учился в пятом классе. Именно он дал мне почитать Гаврилиаду Пушкина. В ней я понял главное, что любовь присуща и Небесам. Шурка ходил на секцию борьбы и приезжая, показывал мне борцовские приемы. Вовка подшучивал надо мною, и я его не очень любил. Мишуха женился и приезжал изредка.

Воспоминание об Иване Прокопьевиче связано с автомобилем «Победа», который купил колхоз для председателя. Однажды, когда я еще не учился в школе, в разгар лета, я увязался с Иваном Прокопьевичем. Мы

ездили по полям, ловили чужих лошадей, зашедших на колхозные посевы. Поездка затянулась, я проголодался начал канючить. Тогда Иван Прокопьевич вырвал пучок травы, свернул жгутом и начал жевать, приговаривая, что это вкусно. Вслед за ним я тоже начал жевать траву. Трава кололась и не жевалась, но я видел, что Иван Прокопьевич жует и упрямо толкал ее в рот. Вскоре мы поехали, трава отвлекла меня и я перестал плакать. Видимо, приобретение колхозом машины «Победа», кому-то пришлось не по душе, и вскоре Ивана Прокопьевича освободили от должности председателя, а на ней стал ездить другой человек. Запомнился Иван Прокопьевич тем, что не доверял советской пропаганде и когда по радио о чем-то рассказывали, ворчал: «Брешут все». Если бы он дожил до наших дней и увидел, какой лживой является капиталистическая пропаганда?

Первое воспоминание о тете Жене связано с моей попыткой выбраться из нашего дома. Мне было 3-4 года я проснулся и увидел, что рядом никого нет, а перед этим отец, укладывая спать, прилег рядом со мной. Отсутствие близких напугало. Попытался открыть дверь, но она была заперта. Взял табуретку, поднес к столу, влез на нее, а потом на стол. Рядом со столом было окно, поэтому я решил выйти из комнаты через окно, но оно не открывалось, поэтому я начал бить по стеклу ухватом для сковородок. С одной стороны у него была деревянная ручка и с другой железный прихват. Мне почему-то понравилось стучать деревянной стороной, стекло не поддавалось, слушком слабым был удар. Тогда я решил стучать железным наконечником и тут увидел, что с улицы к окну подбегает тетя Женя, наша соседка. Что было дальше, я не помню, но разбить стекло не удалось.

Другое воспоминание о том, как я сижу на лежанке, и прошу тетю Женю выпустить меня в туалет, а она в это время мазала раствором глины и лошадиного кизяка пол в первой комнате. Лежанка пристраивалась к печи, в ней проходил дымоход и она прогревалась. Спать на ней было тепло. Я уснул, а когда проснулся, захотел в туалет, но сам слезть с лежанки еще не мог, так как был мал, а высота лежанки около метра или чуть больше. Тетя Женя просила меня немного потерпеть, так как не может прерваться из-за того, что у нее руки в глине и нужно долго отмываться. Когда она пришла снять меня с лежанки, было уже поздно.

Тетя Женя впервые показала мне Бабайку, им тогда пугали детей. У них в саду начала набирать ягоды смородина, а я повадился обрывать их еще зелеными. Тетя Женя решила меня отучить ходить в сад. Она заставила Шурку одеть вывернутый наизнанку овчинный полушубок, и на четвереньках ползти между кустов, направляясь ко мне. Естественно, я испугался и перестал ходить в сад. Только через годы я узнал, что Бабайку изображал Шурка.

Сладости

Первой сладостью, которую я помню, был сахар-рафинад. Его выпускали большими кусками и раскалывали тупой стороной тяжелого ножа. Потом появились конфеты, их называли подушечки. Они действительно

напоминали подушки, с начинкой из повидла внутри. Летом эти конфеты плавилась от тепла. Жена моего дяди Вити, тетя Ксения работала продавцом, и мы с ее племянником Витькой Пузиковым однажды пришли к ней в магазин. Она переставляла пустые ящики из-под конфет, и вытаскивала из них упаковочную бумагу. Бумага была коричневатого цвета и покрыта растекшимся соком от растаявших конфет. Тетя Ксения разрешила нам набрать этой бумаги, и мы пошли счастливые, разжевывая эту сладкую и липкую массу.

Быт деревни

До войны и после в наших местах дома строили из березовых и осиновых бревен. На строительство часто выходила вся деревня. Это называлось «помочь». После войны в степных местах, расположенных в нескольких десятках километров от леса, стали широко использоваться пласты и саман. Пластом называлась дерновина, которую срезали специальным плугом. Пласт был перевит корнями травы и поэтому не разваливался. Срезанный пласт разрезали на более мелкие части и на телегах везли к месту строительства. Его укладывали в будущие стены. При этом не требовалось связующего раствора, так как щели закрывались собственной тяжестью. Такие стены снаружи и изнутри обмазывали глиной. Для кровли тоже использовали пласты. Их вырубали вручную там, где белая глина, «беляк», подходила прямо к дерновине. Такие пласты вырубали специальной мотыгой и укладывали на крышу, а сверху насыпали дополнительно белую глину. Дожди эту глину размывали, и она заполняла все щели, не давая воде проникать через крышу.

Саман приготавливали из глины, которую перемешивали с мелкой соломой, а затем заполняли формы в виде больших кирпичей. Эти кирпичи высушивали на солнце, а затем из них строили дома.

Летом в деревне было так много работы, что заготовку дров откладывали на зиму, когда деревья спиливали ручными пилами в лесу и короткими бревнами привозили домой. Дома бревна распиливали на маленькие чурбаки, которые кололи топорами. Чурки удобнее колоть колунами, но их не было, так как промышленность не выпускала. Дрова, заготовленные зимой, были сырами, и их было трудно разжечь, поэтому сушили около печи и по ее краям. Бывали случаи, что дрова, положенные небрежно для сушки на печи, загорались.

Тяжела была послевоенная жизнь в деревне, но люди надеялись на лучшее и не унывали. Надежды подкреплялись ежегодными снижениями цен, которые происходили весной. Жизнь быстро менялась. Помню первый радиоприемник с наушниками, который купил отец, и я часами сидел, слушая радио. А через несколько лет радиофицировали все села, а посередине на столбе вешали большой репродуктор, который разносил песни по всей деревне.

Вспоминаются степные пожары того времени. Я пишу степные, потому что лесных не помню. Иногда ветром приносило дым. Говорили, что

это в Тюменской области горит тайга. В нашей деревне регулярно горел камыш на озере, его поджигали специально, чтобы уничтожить прошлогодние заросли сухой травы и дать возможность вырасти новой, которую можно будет косить на корм скоту. Не помню, чтобы горел лес в окрестностях нашей деревни. Скот хорошо выедал траву вокруг села и огонь не мог распространяться. Большие поляны с травой выкашивались летом на сено, поэтому весной не было горючего материала. Вдобавок к этому каждое село опахивалось тракторным плугом. Таким же образом опахивался каждый участок леса. Сейчас густые заросли старой травы превратили многие поля в пустыри, которые легко загораются, способствуя распространению огня на большое расстояние. Нет домашнего скота, который бы траву поедал, и нет косарей, которые бы ее косили.

Вспоминается спасение утопающего. В шестом или седьмом классе я впервые попал в пионерский лагерь. Он разместился в сельской восьмилетней школе. Были вечерние костры и пионерские песни, но больше всего мне запомнилось купание в котловане. В конце 1950-х годов были созданы механизированные отряды из нескольких тракторов с прицепными скреперами, которые выбирали грунт в местах, где собирались весенние воды, и делали бассейны примерно метров 150 x 75. С одной стороны они имели крутой обрыв, а с другой пологий спуск и с трех сторон были окружены валами из вынутой земли. В такой котлован мы и пошли купаться всем лагерем. Не беда, что вода была перемешана с глиной, так как песка в наших местах и в помине не было, и имела желтовато-молочный цвет от перемешивающих глину ног. Мы радостно плавали и ныряли. Когда я выныривал из воды, то почувствовал, что мою шею обхватили чужие руки и начали душить. Я устремился к берегу, чувствуя, что на моей спине кто-то сидит. Задыхаясь от сжатых на горле рук, я едва выбрался на берег. Только оказавшись на твердом берегу, руки отпустили мою шею, а я рухнул на траву. Оказалось, что мальчишка на год или два младше меня стал тонуть, и тут в его руки попала моя шея, когда я нырнул под воду.

Школьные годы (1951-1961)

Сельских детей учила сама жизнь. Мы с раннего детства постигали вопросы, которым сейчас педологи уделяют такое трепетное внимание. Поясню, кто такие педологи? Педагогика как наука об обучении и воспитании детей была уничтожена в конце XX – начале XXI века. Дело в том, что классическая и советская педагогика ставит целью не только обучение ребенка, но и его воспитание, основой которого является евангельская нравственность, даже в советском исполнении. Либеральному обществу, в котором грех стал повседневной реальностью и соответствует его запросам, нравственное воспитание не нужно, поэтому педагогика была подменена психологией, которая провозглашает своей целью развитие ребенка. Педагогическая психология не ставит целей нравственного воспитания, как это делала педагогика. Однако развитие это биологический процесс, заложенный во всех живых существах самой природой, и не

предполагает наличия какого-то духовного мира. Биологическое развитие чисто материальный процесс, в котором решающую роль играют инстинкты и рефлексy, заложенные в ребенке от рождения. По этой причине был введен ЕГЭ, который развивает память, но не способность мыслить, анализировать и обобщать. Именно эти качества развивала советская школа. Особенное место педология уделяет сексуальному развитию, как средству растления детей.

Помню, что в раннем детстве ходил в баню вместе бабушкой и видел пожилых женщин в их естественном обличье. Надо сказать, что выглядели они не очень привлекательно. Война и недоедание наложили свой отпечаток на их облик. Эти взрослые женщины врезались в память своими обвисшими грудями и изможденными телами. Нам, детям войны, не нужно было половое воспитание, мы знали, откуда берутся дети и как это делается. Нам было понятно, зачем петух выплывает вокруг курицы, или гусь вокруг гусыни. Мы знали, зачем корову ведут к быку и как она потом рождает теленка. Помню, как в старших классах помогал матери принимать у коровы роды. Эти явления были естественными и не вызывали нездорового интереса. Мы учились собирать грибы и отличать ядовитые от съедобных, собирали ягоды. Нас не нужно было заставлять, мы это делали сами с удовольствием. Помню, летом после девятого класса грибов было так много, что я ездил в лес на велосипеде и с мешком. Набирал почти полный мешок. А уже после окончания школе мы с сестрой набрали почти полное ведро костяники. Кто ее собирал, тот знает, какое это трудное занятие.

Моя учеба в школе начиналась дважды. Впервые я пошел в первый класс, который вел мой отец, когда мне было пять лет. После первого дня учебы у меня заболела голова, и я стал ждать следующего года. Дело в том, что в нашей деревне не было детского сада, и мы были предоставлены сами себе. Поэтому поступление в школу вносило в жизнь какой-то порядок и будило интерес. Годы обучения в начальных классах не оставили в памяти особых следов. После перехода в пятый класс у меня началась самостоятельная жизнь. Ново-Успенская семилетняя школа находилась за пять километров от нашего села, и там нужно было устраиваться в интернат или на квартиру. Родители договорились со своими хорошими знакомыми Островными, тетей Женей и Иваном Прокопьевичем о том, что я буду жить у них на квартире. Они относились ко мне как к собственному ребенку и я, в свою очередь, вел себя соответствующим образом. Помогал по хозяйству, носил дрова, убирал навоз в сарае и делал другие деревенские дела. В марте месяце, когда дни стали теплее, строил у них в саду из снега крепости и рыл окопы. Друзей у меня вне школы, почему-то не было. Все было прекрасно, если бы не гусь. В то время в деревне гуси были очень популярной живностью. Им не требовалось много корма, за лето они на траве и небольшом количестве зерна вырастали до 3-4 килограммов. После наступления морозов их рубили и вывешивали в кладовых так, чтобы не доставали крысы или мыши. Моя безмятежная жизнь прекратилась после того как тетя Женя выбрала самый вкусный кусок – ножку и положила в мою

тарелку. Когда я стал жевать, то почувствовал, что в рот вместе с гусятиной попал, какой-то посторонний предмет, когда я его вытащил изо рта, то увидел, что это кусок пенькового шпагата, на который подвешивали гуся. Тетя Женя из-за плохого зрения не разглядела, что на гусятиной ножке остался шпагат. Пересиливая тошноту, я вылез из-за стола и ушел. Дело в том, что, несмотря на тяжелые условия жизни, мои родные: бабушка и мать поддерживали чистоту в доме. Посуда и продукты всегда тщательно мылись. Кусок хлеба, упавший со стола, отправлялся на корм животным. После этого случая я не мог есть и только пил чай с хлебом. За неделю я похудел и когда приехал домой мать, спросила, в чем дело? Я рассказал и попросился перевести в интернат, который был при школе. Вскоре я к великой обиде тети Жени перешел жить в интернат, где кормили гораздо беднее, но не было шпагатов в супе. Так началась моя самостоятельная жизнь. Интернат – это общежитие, коллектив, в котором нужно научиться жить и соизмерять свои интересы с интересами окружающих и уметь постоять за себя. Среди одноклассников был Васька Иванов, который раза в полтора был больше меня. До седьмого класса я не отличался ростом и силой. Иванову понравилось издеваться надо мной: то затрещину даст, то ножку подставит. Я решил отомстить и ждал момент, чтобы это сделать. Однажды на перемене во время очередной обиды, я со всей силы врезал ему по физиономии, вскочил на парты и пустился наутек. Пока он соображал, как меня догнать раздался звонок, и учитель вошел в класс. После этого случая обиды прекратились.

Любовь к чтению помогала мне всю жизнь. Книги помогли выработать правильную речь, и во всех классах я хорошо отвечал по всем предметам, в которых не требовалось знание формул и математических расчетов. С формулами было сложнее, я их плохо запоминал. В начале восьмого класса у нас был предмет, связанный с экологией, его вела преподаватель химии Нина Антоновна, которую мы называли «железная леди». На первом уроке она прочла вступительную лекцию и спросила, кто повторит? Я вышел и повторил чуть ли не слово в слово. Она была очарована, но когда на первых уроках химии я не смог написать какие-то формулы, то потерпел фиаско. Из всех точных наук я лучше всего разбирался в геометрии и любил доказывать теоремы, но вот тригонометрию не понимал вообще. Дело в том, что точные науки требуют усидчивого изучения и подготовки домашних заданий. С тех пор как я перешел жить в интернат, подготовка домашних заданий прекратилась. Дело в том, что условий для спокойной работы не было. В интернате уроки делали по комнатам, а жили по пять-шесть человек. Письменный стол был один на всех. Мы что-то писали, переписывая друг у друга, когда нужно было домашнюю работу показывать учителям. Устные предметы еще читали, но больше всего я читал художественную литературу.

Уже в девятом классе учитель истории, директор школы Геннадий Ананьевич вызвал на уроке рассказать о русско-японской войне. Я коротко

пересказал ему содержание книга Цусима, и он спросил: «Ты учебник читал?» Я честно ответил, что нет. Он заметил: «Садись четыре, а если бы прочитал, то поставил бы пять».

Среди учителей были такие, кто оставил след в моей памяти на все жизнь. К ним относятся учителя истории Кара-Гугинской и Октябрьской средних школ, работавшие директорами в них – Геннадий Ананьевич и Мария Евлампиевна. Мы их уважали не за то, что они были директорами, а за то, что они были высококлассными профессионалами. Вспоминаю и очень милую старушку Мину Мартыновну, учившую меня немецкому языку в десятом классе. С иностранными языками у меня была большая проблема. В 5-7 классе его преподавала бывшая десятиклассница, не имевшая ни знаний предмета, ни педагогического опыта, когда я пришел в восьмой класс, то первую четверть Рудольф Иванович Гирш, преподаватель английского, меня не аттестовал, во второй поставил двойку, но уже в четвертой четверти девятого класса я получил четверку. Рудольф Иванович был интересен тем, что его сын работал инженером на первом атомном ледоколе Ленин, и зачитывал письма, которые присылал сын на английском языке. Мина Мартыновна была из депортированных в Казахстан немцев, и от природы добрым человеком. Класс у нас был около десяти человек, я сидел отдельно на задней парте, она, дав задание остальным, подходила, ласково клала на плечо руку и говорила с сильным акцентом, проверяя задание предыдущего урока.

В восьмом и девятом классе я жил у своих родственников, сначала у дяди Васи, а потом у тети Маруси. Условий для приготовления домашних заданий не было ни на квартирах, где было много детей, мешавших заниматься, ни в интернате, где снова стал жить в десятом классе. В нашей комнате, кроме меня, жило еще четыре человека – Иван Старых и Сашка Цыганков - мои одноклассники, Толик Оськин - учился в девятом классе, был инвалидом и передвигался на костылях, Вовка Мельников - восьмиклассник, переведенный из восьмилетней школы за хулиганство, и закрепленный для воспитания за мной. Комната была небольшая, кровати стояли впритык, и готовить домашние задания в такой шумной компании было очень сложно. Вовка Мельников был задиристым насмешником. Толик Оськин, кроме того, что передвигался на костылях, еще носил очки. Каждый день он шел в школу на костылях почти по километру в одну сторону, поэтому его руки были необычайно сильными. Однажды я читал книгу лежа на кровати, Толик Оськин сидел рядом со мной и играл в шахматы с Мельниковым. Они о чем-то говорили, я не слушал. Неожиданно до меня донеслось, что Мельников приговаривает «Оськин - Коськин». Раздался настоящий рев, я повернул голову и увидел, как Оськин, схватив костыль, поднимается над столом, чтобы ударить Мельникова. Отбросив книгу, я схватил Оськина за плечи, и мы упали под стол, Мельников молнией вылетел из комнаты. Больше над Оськиным он не подшучивал. Из других одноклассников помню Сашку Афанасьева. Это был высокий румяный красавец, с изуродованной

выстрелом левой рукой, которая, впрочем, нормально действовала. Он рос в семье охотников и один из братьев по небрежности выстрелил в него. Весной мы готовились к соревнованиям по стрельбе и физрук Степан Николаевич, бывший по совместительству и военруком, давал нам пачку патронов от мелкокалиберной винтовки и мы шли на лыжах за село, в поля, тренироваться в стрельбе. Находили удобную поляну, куда не ходили люди, ставили мишени и расстреливали всю пачку патронов, которых было пятьдесят штук.

О судьбе своих одноклассников я знаю не много. Слышал, что Сашка Цыганков поступил в сельскохозяйственный техникум и во время учебной практики в ночную смену лег отдохнуть в копну соломы, где его переехал трактор. Сашка Афанасьев выучился на зубного техника, но запутался в амурных делах, слишком был красивым, и застрелился. Зубоскал Вовка Мельников тоже закончил пединститут и пошел работать в Обком комсомола, а затем перешел на работу в КГБ. Лет через пятнадцать мы с ним встречались, когда он уже был старшим лейтенантом или капитаном КГБ.

О друзьях по Кара-Гугинской школе знаю не много. Вовка Федоров стал директором ремонтного заводика в городе Булаево. Генка Ващенко и Манарбек Даиров окончили Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта. Манарбек Даиров как представитель титульной нации в Казахстане сделал самую блестящую карьеру: работал в ЦК компартии Казахстана, затем был заместителем министра или министром. Он был единственным казахом, с которым я учился за все десять лет, и звали мы его Мишка. Он не возражал.

Десять классов я закончил в 1961 году с полным пониманием, что вступительные экзамены в институт не выдержу. После получения диплома целую ночь не спал, думал, что делать дальше, и решил: надо идти работать. Желание учиться у меня проснулось только после трех лет работы бетонщиком и слесарем. Большое влияние на желание учиться оказали студенты МГУ из стройотряда, который работал в сентябре месяце 1963 года в нашей деревне, а я приходил к ним. Днем они строили животноводческую ферму, а вечерами жгли костер и пели песни под гитару. Они не занимались пьянством, очень интересно рассказывали о своей учебе на факультете политэкономии и обещали оказать помощь, если я приеду поступать. Возможно, среди этих ребят были те, кто позднее стал известным на всю страну.

После их отъезда я сел за учебники. Историю изучал по какому-то краткому курсу истории СССР для вузов, по каким-то учебникам изучал литературу, а русский стал учить по Учебному пособию для старших классов с карандашом в руках. Я читал правила и выполнял каждое практическое задание, помещенное в учебнике, расставляя пропущенные буквы и запятые. Таким образом, испортил два учебных пособия, но результат был показан на вступительных экзаменах в институт.

Весной 1964 года отец, приехав из РайОНО сказал, что Петропавловский пединститут будет проводить приемные экзамены на заочное отделение исторического факультета в начале июня, и предложил поехать. Я согласился, в тайне надеясь, что эти экзамены будут пробой сил, и если я их хорошо выдержу, то поеду в Москву в МГУ. Сдавать пришлось историю, литературу и русский язык устно и письменно и писать сочинение, от иностранного я был освобожден. Первые три предмета я сдал на отлично, а за сочинение получил тройку. Во время экзамена у меня остановились часы, и я потерял ориентир во времени, долго писал черновик, а когда сказали, что до конца экзамена остался один час, принялся лихорадочно переписывать на чистовик и не успел толком проверить. Приехав домой, я сообщил матери, что теперь поеду в Москву, но она вынесла вердикт: «Поступил, вот и учись». Так я стал студентом заочного отделения Петропавловского педагогического института, Северо-Казахстанской области. В ноябре этого года был призван в армию.

Во времена моей учебы в школе появились знаменитые стилиаги, которые так сильно ушивали брюки, что натягивали их на ноги, лежа на спине. Появился рок-н-рол, но модные музыкальные новации меня мало затронули. Моей любимой певицей стала Има Сумак. Я купил долгоиграющий диск и часами мог слушать ее песни «Голоса джунглей». Неземные звуки, доносившиеся из проигрывателя, завораживали. В 2023 году воспоминания о ней встретились в соцсетях.

Особняком стоят мои воспоминания о Космической эпопее. Когда я учился уже в 8-ом классе, в октябре был запущен первый спутник, а через месяц в космос полетела собака Лайка. В 1960 году в космос полетели уже две собаки – Белка и Стрелка. В школе мы обсуждали эти события и гордились, что наша Родина СССР была первой. День 12 апреля 1961 года врезался в память. Закончились уроки, мы вышли на улицу, ярко сияло солнце. Весна припозднилась, и под заборами еще лежали блестящие в лучах солнца сугробы. Вдруг из репродуктора, висевшего на столбе посреди улицы, раздался торжественно-ликующий голос: «Говорят все радиостанции Советского Союза! Сегодня майор Юрий Алексеевич Гагарин совершил первый космический полет!» О том, что это было необычайное событие говорит то, что я его запомнил на всю жизнь. Полеты Германа Титова и других космонавтов становились привычными и не оставили особых следов в памяти.

Дороги в школу

После четвертого класса начались мои дороги в школу, если Михайло Ломоносов шел на учебу в Москву несколько месяцев, то я ходил в школу шесть лет с 1955 по 1961 год. Сначала это была семилетняя Ново-Успенская школа, затем средние, на станции Кара-гуга и в совхозе Октябрьский. Начиная с четвертой четверти шестого класса, я вместе с ребятами стал ходить в школу весной и осенью за пять километров каждый день. Дни в начале апреля начинаются рано, мы выходили около в седьмом часу утра и

приходили к восьми. До занятий было еще много времени. Дорога шла полями и на обратном пути мы шли, исследуя окрестности. Гоняли сусликов, наблюдали за коршунами, слушали жаворонков. Шли в любую погоду. У нас не было зонтиков и дождевиков, но мы ходили. Зимой жили в интернате, куда нас возили на лошадях, запряженных в сани. Не помню, чтобы мы сильно простужались и болели.

Тогда старшие классы начинались с восьмого, и я стал ходить в среднюю школу на станцию Кара-Гуга один уже за десять километров. Эти походы оставили много воспоминаний. Дорога шла вдоль берега соленого озера, которое протянулось километров на семь или восемь. Осенью и весной в восьмом классе я ездил домой на велосипеде только по выходным, а в девятом стал ездить каждый день. Дорога пролегла по самому берегу, а в 15-20 метрах в воде купались утки. Стоило только слезть с велосипеда, как они улетали. Тогда пришла идея, взять у дяди Васи ружье и стрелять по уткам на ходу, не слезая с велосипеда. Дядя дал ружье, патроны, заряженные дробью, и в очередную субботу я поехал. Утки были на месте, я бросил руль и, продолжая крутить педали, снял ружье и прицелился. Выстрел был такой сильный, что я оказался сидящим на заднем колесе, а утки, быстро махая крыльями над самой водой, уносились от меня. Первый трюк стрельбы с велосипеда отучил его повторять. Теперь я практиковался в езде без руля и добился в этом такого прогресса, что мог, не прикасаясь к нему, ехать все десять километров.

С этим озером связан другой случай. Когда наступили морозы, я решил, что на коньках будет гораздо быстрее и легче добираться до дому. От Кара-гуги до села Ясная поляна, где жили мои родители, лежало три озера, связанные между собой ручьями. Весной и осенью по ним бежала вода, которая замерзла с наступлением морозов, и я решил, что на коньках смогу доехать до самого дома. Когда закончилась неделя, в субботу после уроков я надел коньки и отправился на лед. Был небольшой мороз, и я довольно быстро проехал через первое озеро, и перешел на соленое. Чтобы сократить путь, решил ехать напрямую через середину озера. Первое озеро было пресным, и его я преодолел без всяких помех, а когда стал приближаться к середине соленого, то почувствовал, что лед под задниками коньков стал прогибаться и расходиться от меня волнами. Вот тут пришел страх. До берега было километра полтора, я повернул к нему и, что было сил, побежал, стараясь преодолеть зыбкое место. Только выехав на прочный лед, осознал, что было бы со мной, если бы лед провалился и я оказался на таком расстоянии от берега. Больше на коньках домой я не ездил. Ходил на лыжах, но однажды обморозился и признал, что лучше ходить пешком. Уже в середине марта я шел в школу. Был приличный мороз с ветром, который дул в лицо. Вскоре почувствовал, что с моим носом что-то неладное. Достал карманное зеркальце, как-никак, мне шел 16-ый год и за внешностью начал следить, увидел, что нос полностью белый. Схватил ком твердого снега с краю дороги и принялся ожесточенно растирать его. Одного комка оказалось

мало, взял второй. Только через много лет я узнал, что обмороженные участки тела нужно растирать мягким снегом. Дальнейший путь продолжал, прикрывая нос поочередно руками. Когда на следующее утро посмотрел в зеркало, то на месте носа увидел коричневую грушу, так запеклась разодранная кожа. Недели две пришлось нос лечить, но память осталась на всю жизнь: несколько припухлым стал кончик носа, и появлялась краснота.

В десятом классе я перешел учиться в Октябрьскую среднюю школу, которая находилась в окружении лесов, поэтому я стал использовать попутный автотранспорт. Обычно в кабинах сидело два человека и автомобили не останавливались, но я нашел выход. Зимой из леса ходили грузовики ГАЗ-51, груженные лесом. Задний борт у них был открыт и на проволоке подвешен так, что оставалась площадка в 60-70 сантиметров, на которой я мог разместиться. Чтобы забраться на задний борт, нужно было выбрать время, когда машина замедлит ход, а это делалось только на дорожных колдобинах. К тому времени уже строили грейдеры. Так назывались дороги, которые нагребали дорожные машины, тоже грейдеры. По бокам такого грейдера были канавы-кюветы. Дорожное полотно ничем не засыпалось и при дожде оно превращалось в каток, на котором машины скользили и останавливались, только попав в кювет. Так как на грейдере колдобины были частыми, то я находил такую и поджидал, когда подойдет очередная машина и замедлит ход. В этот момент я запрыгивал на задний борт и ехал, наслаждаясь быстрым движением. Попутных машин не было, и меня никто не видел, а я никогда не думал, что проволока может развязаться, и я грохнусь на землю. Автобусов в 1960-1961 годах еще не было. Они появятся только через несколько лет. Думаю, что дороги в школу сказались на формировании характера, они учили преодолевать лень, усталость и переносить трудности. На длинном пути приходилось преодолевать не только километры, но и самого себя, так как монотонная ходьба приносила не только усталость, но и скуку. Чтобы ее разогнать, я в мечтах уносился в голубые дали, в которых пребывал вместе с героями прочитанных книг.

Ташкент и Петропавловск

Ташкент

До выпускного вечера я не задумывался, чем буду заниматься после окончания школы. Принеся аттестат зрелости родителям, я не мог уснуть всю ночь, так как не знал, что со мной будет дальше. Вскоре будущее прояснилось, тетя Надя, сестра отца, прислала письмо, в котором приглашала меня приехать к ней в Ташкент. И вот 3 июля 1961 года я оказался в Ташкенте, который со времен Гражданской войны называли «хлебным городом». Большой южный город поразил меня. Тогда там проживало до двух миллионов жителей. До той поры я бывал только в Петропавловске, в которой жило, наверное, 60-70 тысяч. Недели две я знакомился с городской жизнью. Тетя Надя много раз водила меня по городу, показала центр, театр Навои. Помню, дождливым ноябрьским воскресеньем мы поехали в центр и ходили по улицам, она что-то рассказывала, я жадно слушал, а на клумбах

цвели Анютины глазки. После двух недель отдыха тетя повела меня на завод, где работала сама. Это был Ташкентской завод железобетонных изделий №1. Тетя заведовала складом готовой продукции, куда устроила и меня. Так я стал такелажником, сейчас это называется стропальщик. Работа не хитрая: цепляй крюки мостового крана к различным железобетонным плитам, кричи «вира», потом «майна» и опускай в кузов машины, в большинстве это были «Мазы» и «Зилы». Так прошла осень 1961 года. Я поступил на вечерние курсы машинистов мостовых кранов. Дело шло к окончанию, я уже хорошо работал под присмотром крановщика. Однажды меня поставили подменить заболевшую крановщицу. До самого обеденного перерыва я старательно грузил машины. Раздался гудок на обед, рабочие пошли в заводскую столовую, поспешил и я, включив все три контроллера, которыми управлялся кран. Началось одновременное движение: двигался сам кран, а также крюк, на который цеплялся груз, и тележка, перемещавшая крюк. Я зазевался и вдруг увидел, что все три движущиеся части крана подходят к пределу, поэтому кинулся выключать контроллеры. Первым выключил подъем крюка, затем ход тележки, когда дотронулся до хода крана, он ударился о конечные ограждения, раздался страшный грохот, казалось, что кран чуть ли не подпрыгнул, дверки силового шкафа раскрылись, и оттуда вырвался фонтан искр. Я медленно подвел кран к площадке, с которой крановщик подымается в кабину и тут увидел, что директор завода идет ко мне и грозит пальцем, а затем зовет к себе. Медленно переступая ватными ногами, я подошел к нему и услышал: «Если я еще раз увижу тебя на кране, то этот день будет последним днем твоей работы на заводе». Эта фраза сопровождалась очень выразительными, но непечатными выражениями. Я все понял, на кран больше не поднимался и на курсы перестал ходить.

Директором завода был Гауфлер Фридрих Фридрихович из числа немцев Поволжья, переселенных во время войны. Обычно его звали Федор Федорович. Вскоре его назначили управляющим трестом, а затем он стал руководителем всего строительного комплекса города Ташкента «Главташкентстроя». Тетя Надя входила в его команду, и он при перемещениях брал ее с собой. Она заочно окончила юридический институт, и в Главке стала руководить управлением кадров.

Моим напарником был татарский паренек Мансур. Мы с ним ладили. Он рассказывал истории из городской жизни, давал мне закурить. В общем, отношения были прекрасные. Уже к концу года работа на складе мне надоела, и тут предложили перейти в бригаду арматурщиков-бетонщиков. Здесь работа была разнообразней и интересней. Бригада делала железобетонные балки для подкрановых путей и усиливала их при помощи высокопрочной арматуры, которую растягивали мощными домкратами до двухсот атмосфер. После натяжения арматуру обрезали, а концы длиной 5-7 сантиметров нужно было загибать кувалдой. Эту операцию я с удовольствием выполнял. Под палящим солнцем, голый по пояс, с завязанным на голове

тюрбаном из рубашки, я самозабвенно махал кувалдой, а ребята садились на перекур и наблюдали за моей работой.

Зарплата в этой бригаде была в два раза выше, чем на складе. Бригада была интернациональной, возглавлял ее толковый парень лет двадцати пяти, узбек по имени Сафар, который учился заочно в строительном институте. Нас было человек двенадцать: русские, татары, узбеки, один еврей. Национальность мы различали только по именам и фамилиям, а выяснять, кто какого происхождения было не принято, да нас это и не интересовало. Возраст тоже был самый разный. Мне еще не было восемнадцати лет, и я был самый младший, Самым старшим был мужчина лет около пятидесяти, бывший учитель, приехавший откуда-то из центральной России. Через несколько месяцев бригадир Сафар проникся ко мне доверием и стал оставлять на завершение начатой работы после окончания рабочего дня старшим в звене, состоящем из 3-4 взрослых мужчин. В этой бригаде я проработал до самого отъезда из Ташкента в январе 1963 года. Отъезд состоялся потому, что я два или три месяца не писал родителям, и в начале декабря мать прислала письмо, чтобы я возвращался домой, так как, находясь вдалеке, отвыкну от родителей. В то время я остался один, мой друг Толик Моисеев поступил в техникум и перешел жить в общежитие при техникуме, поэтому я испытывал дискомфорт и легко согласился уехать домой. Бригада решила устроить мне проводы. Ребята сложились, и мы пошли в один из самых крутых ресторанов Ташкента – Бахор. Они опекали меня как несовершеннолетнего и не дали много пить, впрочем, я и сам не любил. Проводы запомнились, так как были искренними.

У тети Нади я прожил примерно полгода после приезда. Ее семья состояла из четырех человек, первым был муж - дядя Юра, юность которого пришлось на годы войны и свела с криминальным миром. Он сидел в лагере, где-то в Красноярском крае, если бы я знал, что поеду добровольно жить в Красноярск, то узнал бы подробнее о его злоключениях. Это был высокий, красивый, жилистый мужчина, относившийся ко мне очень по-доброму. Они жили в доме бабушки, имени которой я даже не знаю. Бабушка и все, тем более, что ко мне она относилась как родная бабушка. Ей было за восемьдесят, но она была еще очень деятельной и почти не болела. Бабушка воспитывала Галку, дочь тети Гали от первого брака. Относилась к ней как к родной внучке. Дом находился в районе Тезиковского рынка, и это место называлось Тезиковка. Говорили, что до революции там располагалась дача купца Тезикова. На Тезиковке за глиняными дувалами (заборами) стояли одноэтажные дома, сделанные из необожженного кирпича. Около дома был крошечный дворик, на котором росло несколько фруктовых деревьев. Моя кровать стояла под абрикосовым деревом, и первое время я срывал абрикос, едва открывал глаза. Было так тепло, что до самого ноября я укрывался только простыней. Посередине дворика стояла беседка, увитая виноградом, так, что летом и осенью, сидя за столом, можно было срывать виноградные гроздья. Беседка защищала от палящего солнца и почти десять месяцев семья

собиралась кушать в этой беседке. Пищу готовили на улице на керогазе. Это такая плитка, работавшая на керосине, а чай кипятили в самоваре. Несмотря на то, что все ко мне относились прекрасно, я скоро понял, что лучше перейти в общежитие, так как у них было достаточно своих проблем, чтобы к ним добавлять и мои.

Общежития

Первое общежитие, в которое я перешел жить с помощью тети Нади, располагалось на проспекте Шота Руставели, и размещалось в двухэтажном здании, окруженном забором и двором с тенистым деревьями. Прожил я там месяца 3-4, потом в нем решили сделать общежитие для иностранных студентов, а нас переселили в пятиэтажное общежитие в новом микрорайоне Чиланзар.

Первое общежитие запомнилось мне грандиозной дракой, какую я видел впервые. В выходной день, ближе к вечеру я лежал на кровати и читал книгу, вдруг услышал в коридоре шум. Открыв дверь, я увидел, что с первого этажа по лестнице бежит человек, а за ним гонится толпа. Убегающий, поднявшись на этаж, остановился и, повернувшись к преследователям, схватил первого за галстук и ударил в лицо, тот повалился на руки задних. Убегавший по длинному коридору парень останавливался, бил ближайшего из нападавших, и бежал дальше. В конце коридора он выпрыгнул со второго этажа. На следующий день он приходил к нам в комнату, слегка прихрамывая. Особых травм никто из драчунов не получил.

Друзья

В общежитии строителей на Чиланзаре я прожил до самого отъезда из Ташкента в январе 1963 года. Я сдружился с ребятами, жившими в нашей комнате. Жильцы были интересными. В комнате стояло четыре кровати, но жило не меньше пяти человек: мой самый близкий друг – Толик Моисеев, родившийся вблизи Ташкента, Ахтам Хаджимуратов, который родился, в какой-то южной области Узбекистана, грек – Лазарь, привезенный в СССР во время гражданской войны в Греции и воспитанный в детском доме и, наконец, Тимоха. У всех были интересные судьбы, которые заслуживают упоминания. Тимоха был самым старшим, ему было за тридцать лет, он всегда носил тельняшку и усы. В конце войны он окончил знаменитую Архангельскую школу юнг, куда брали в основном сирот, позднее служил в торговом флоте и побывал во многих странах. Тимоха играл на гитаре и хорошо пел. Высокий и красивый, его не портила начавшаяся лысина, он нравился женщинам и часто не ночевал в общежитии. У Тимохи было много талантов, он не только играл и пел, но мог подделывать печати с помощью вареного яйца. Я видел, как он колдует, старательно подделывая справку из поликлиники, чтобы оправдать чей-то прогул. Жизнь научила его не унывать, и он жил легко, не имея почти ничего. Гардероб его состоял из того, что было на нем. Тимоха рассказывал, что обеспеченные женщины не раз предлагали ему остаться с ними жить, но он не принимал предложений, так как привык жить свободно, не обременяя себя ответственностью. По всей

видимости, его рассказы были правдивы, так как и в остальном, он не обманывал.

Грек Лазарь, невысокого роста смотрел одним глазом, другой был покрыт бельмом. Он любил петь греческие песни. Из его песен я запомнил одну, в которой были слова: «Афины кепали Афины». Она была на греческом языке и пел ее он самозабвенно, подыгрывая на гитаре. Лазарь, что-то рассказывал о войне и часто уходил в гости к друзьям грекам. Кровать они делили с Тимохой, видимо договариваясь об очередности, так как споров о том, кто будет спать сегодня, никогда не было.

Ахмат (Андрей) Хаджимуратов был узбеком с трагической судьбой. У него через всю левую половину лица тянулся уродливый шрам, который его сильно портил. Изуродована была и левая рука. Он рассказывал, что во время войны еще маленьким мальчиком был с отцом в гостях, и какие-то люди пришли ночью с топорами и зарубили насмерть отца, а его только сильно ранили и он выжил. В нападении он подозревал своего зятя, мужа сестры, но отомстить не мог, так как у них были дети.

Толик Моисеев был старше меня года на два или три. Рост у него был под метр восемьдесят, мощная, выступающая вперед грудная клетка, делали его вид мужественным. Он раньше занимался боксом и мог одним ударом сбить противника с ног. Вместе мы ездили к его матери в совхоз недалеко от Ташкента, сходили в кино, а затем пошли воровать колхозный виноград. Не потому что его негде было взять, а потому, что это было интересно. Виноградные лозы лежали на земле и мы, нащупывая гроздь, шарили руками под листьями. Вместе с Толиком ездили по кинотеатрам Ташкента, чтобы первыми увидеть выходящий на экраны фильм. Осенью 1962 года Толик поступил в техникум и ушел из общежития.

Сейчас меня восхищает атмосфера дружбы, царившая в нашей интернациональной комнате. У нас были размолвки, но они не сопровождались агрессией. Удивляет отношение взрослых парней ко мне. Бывало, что в комнате распивали водку, но мне не наливали, говоря, что еще молодой. Точно так же я видел, как курили ташкентский гашиш – анашу, но мне ее никто не предлагал, а сам я не высказывал желания попробовать. Помню, как после получки мы решили выпить шампанского. Я тогда почти не пил и после выпитого шампанского не мог встать со скамейки в парке.

Один случай заставил меня на многие годы отказаться от спиртного. Перед октябрьским праздником нам выдали зарплату и хорошую премию. Я получил около двухсот рублей. Это было колоссальная для молодого парня сумма. Я сразу купил на нее черный польский костюм, модный в то время и чешские туфли «Цебо», которые были так добротно пошиты, что блестели как лакированные. На следующий день мы с ребятами из бригады пошли на свадьбу друзей по общежитию, купили какой-то подарок. Свадьба была в субботу. Тогда еще не было двух выходных, а суббота была укороченной. Так как рабочий день был коротким, то я не пообедал и когда приехали на свадьбу был голоден. После нескольких рюмок я опьянел и вскоре мы ушли с

другом со свадьбы. Сели в трамвай, а дальше я ничего не помню. Первое воспоминание связано с жутким холодом. Я лежал на скамейке в каком-то сквере и у меня стучали зубы. Ощупал себя руками и убедился, что нового польского пиджака на мне нет, когда встал на ноги, почувствовал боль от впившихся в подошву камешков. Посмотрел и увидел, чешских туфель тоже нет. Вдруг услышал звонкий звук шагов, раздававшихся на широкой улице. Бросился навстречу. Незнакомец посмотрел на меня и спросил: «Что, раздели?». «Наверно» - ответил я. Видя как меня трясет, он предложил свою куртку. Надев ее, я стал согреваться. Выяснив, что я живу на Чиланзаре, он сказал, что нам по пути. Мы пошли какой-то короткой дорогой, которая проходила над рекой Салар, который мы переходили по трубам. Незнакомец предложил мне идти первым и забрал куртку, сказав: «Если пойдешь сзади, то можешь, падая утащить и меня». К счастью мы перешли благополучно. Идя по трубе, слышал, что внизу шумит вода, но вниз не смотрел, так как он запретил. Незнакомец довел меня до общежития, сказав, что меня может забрать милиция, если встретит. Он постучал в двери и передал с рук на руки вахтерше. Этот случай отбил охоту к алкоголю на многие годы.

С речкой Салар были связаны еще два случая. Речка протекала от нашего общежития в метрах 150-200, и мы в выходные дни ходили туда купаться. Однажды мы вместе с Ахтамом Хаджимуратовым купались вместе. Как всегда день был жаркий, а вода речушки, текущей с гор, холодной, поэтому плавали не долго, скорее окунались и выбирались на обрывистый берег. Рядом дети играли с мячом, который покатился и упал в воду. Ахтам вскочил, и прыгнул за ним. Я видел, что он попал головой прямо в мяч, схватил его и выбросил на берег, а затем подплыл к берегу и не мог на него выбраться. Я подскочил и стал помогать выбираться из воды. Ахтама тошнило, и я побежал в общежитие звонить в скорую. Врачи сказали, что у него сотрясение мозга от удара головой по мячу.

Другой случай на этой реке произошел со мной. Я пришел купаться один и вскоре обратил внимание, что вдалеке парни с разгона прыгают с высокого берега в реку. Стало любопытно, и пошел посмотреть. Действительно, в том месте берег был высотой метров восемь, а может быть и все десять, он глиняным обрывом спускался к реке. Внизу между обрывом и водой была полоска земли, покрытая кустами, среди которых возвышалось высокое сухое дерево. Я долго наблюдал как парни, сильно разбежавшись, отталкивались от земли и летели на середину реки, пролетая над сухим деревом. Когда парни ушли, я стал пытаться прыгнуть. Несколько раз подбегал к краю обрыва и останавливался, не решаясь оттолкнуться. Мне казалось, что острые ветки дерева вращаются, выбирая, как лучше насадить меня. Посидев и настроившись, сильно разогнался и, что было сил, оттолкнулся от земли. Полет продолжался доли секунды, но я запомнил эти ветки, смотревшие на меня. Неожиданно легко вошел в воду головой вперед, ничем не ударившись. Чувство радости распирало грудь, но вскоре сменилось испугом. Судорога свела одну ногу, и я не мог выбраться на

скользкий берег. Вокруг были люди, но я стыдился позвать на помощь и беспомощно плыл по течению. Несколько раз безуспешно пытался выбраться, но соскальзывал, и течение несло дальше, пока не увидел ветки кустов, свисающие до самой воды. Ухватившись за них, я выбрался из реки и рухнул на землю. Долго лежал, приходя в себя, поднялся и прихрамывая пошел в общежитие. Этот прыжок стал памятным.

Запомнились мне и летние ночи в общежитии. Первое лето в Ташкенте я спал под деревом, земля вокруг была полита из шланга. Было очень комфортно спать. В общежитии стены сильно прогревались за день, и от них исходило тепло. Было невыносимо жарко. Жег даже матрас. Я его снимал с кровати, брал простыню, шел в умывальник и смачивал ее водой, а затем клал на панцирную сетку и так спал. Простынь быстро высыхала, и я ее смачивал снова. Ночной сон превращался в пытку.

Отъезд из Ташкента в январе 1963 года сопровождался новым приключением. Провожать меня приехал Ахтам Хаджимуратов. У меня был тяжелый чемодан, наполненный гостинцами в Сибирь, были и еще какие-то сумки. Поезд был вечером, но я попросил Ахтама помочь мне отвезти вещи на вокзал в камеру хранения пораньше, чтобы вечером приехать к самому поезду налегке. Когда мы подходили к трамвайной остановке, нас остановили трое парней, предъявили удостоверение и потребовали паспорт и осмотрели вещи. Паспорт я не взял с собой, в то время его не требовалось так часто предъявлять, как сегодня. Ахтам вообще не брал паспорт. Мне пришлось возвращаться за паспортом в сопровождении двух милиционеров. Потом нас повезли в отделение милиции, где допрашивали, пытаюсь представить Ахтама отпетым рецидивистом. Видимо, его шрам на лице разбудил их фантазию. Продержав в отделении часа два, нас отпустили. Отделение находилось в каком-то переулке, от которого до вокзала было километра полтора, и не ходил общественный транспорт. Помню, как обливаясь потом, а я был в теплом пальто, так как ехал в Сибирь, мы тащились с вещами на вокзал. Так состоялось мое первое знакомство с правоохранительной системой. В Ташкенте в день отъезда цвели Анютины глазки, а Северный Казахстан встретил глубокими снегами и морозом.

Петропавловск

Пробыв дома недели две, я стал искать работу. О том, чтобы работать в своем совхозе вопрос даже не стоял, так как слишком ограничен был перечень предлагаемых профессий. В поисках работы поехал в Омск, где в то время строительство завода Синтетического каучука было объявлено всесоюзной комсомольской стройкой. Там меня не ждали, и я вернулся ни с чем. Работу нашел в областном центре Петропавловске на заводе Малолитражных двигателей. Меня взяли слесарем механосборочных работ. Неделю отработал учеником у рабочего, который увольнялся, а затем стал трудиться самостоятельно. Мне пришлось делать корпус конической шестерни для пускового двигателя трактора С-80: сверлить отверстия, нарезать резьбу, запрессовывать и растачивать бронзовые втулки. Чугунная

полая заготовка вставлялась в тяжелое стальное приспособление, и я с разных сторон проводил свои манипуляции. Когда началось лето, и во время второй смены из городского парка доносилась музыка, я успевал сменное задание сделать до обеденного перерыва, сдавал сделанные детали в ОТК, перемахивал через забор и уходил в парк. Жизнь в заводском общежитии была не особо примечательной. Однажды парни собрались в коридоре, где лежали гантели и гири, и начали соревноваться, кто подымет больший вес из седа сзади. Я оказался победителем, так как смог поднять стандартную двухпудовку и самодельную трехпудовку, в общей сложности 84 килограмма. На следующий день, придя на работу и взяв деталь, почувствовал острую боль в правом запястье. Мне посоветовали его перевязать и кое-как я начал работать. Мучился больше недели, но растянутое запястье на правой руке давало о себе знать всю жизнь. В сентябре 1963 года я вернулся в свою деревню и стал работать учителем третьего класса в школе, которой заведовал отец.

Служба в Советской армии

Начало службы

О службе в армии бытует два мнения: одни говорят как о потерянном времени, другие - как о школе жизни. Я отношусь ко вторым. Мне не просто повезло, а посчастливилось служить в той Советской Армии, командиры которой разгромили фашистов. Командиром нашей части был полковник Ларионов Василий Иванович, который после окончания средней школы в 1943 году был направлен на ускоренное обучение в артиллерийское училище и после его окончания стал воевать командиром артиллерийского взвода. О том, как он воевал, говорят пять боевых орденов, полученных за полтора года, проведенных им на фронте, капитанские погоны и должность командира батареи.

Еще на курсе молодого бойца нас отправили в клуб части на встречу с командиром. Шли свободно, без строя и впереди нас показался стройный офицер, который тоже шел к клубу. Когда мы приблизились к нему, то я услышал мелодичный звон и не мог понять, откуда он исходит. На входе в клуб этот офицер повернулся боком, и я увидел множество наград на его парадном кителе. Медали покачивались при ходьбе и, ударяясь друг о друга, издавали мелодичный звук. Это был командир части.

После окончания учебной батареи я получил звание младшего сержанта и был направлен в штаб части. Здесь стал видеть Василия Ивановича ежедневно, так как носил ему документы на подпись. Бывало всякое, я допускал какие-то недочеты, но ни разу он не повысил голос, а тем более не высказался в оскорбительном тоне.

Каждый день в части проводился развод подразделений на занятия, на который выстраивались все, кроме больных и дежурных. Василий Иванович никогда не использовал ненормативной лексики. Самым крепким выражением в адрес кого-либо нарушителя дисциплины было «срамотник» или «срамотники». В нашей части мы не знали, что такое дедовщина. Три

полковника: начальник штаба полковник Куминский, начальник политотдела – полковник Осецкий, зам по тылу – полковник Манько прошли Великую Отечественную войну, поэтому солдаты для них были «сынками», с которыми возможно придется идти в бой. Эти люди, особенно командир части, самым суровым образом подавляли проявления дедовщины. Первым обращением, которое я услышал, попав в часть, было «молодой воин». В армии служили три года и зимнее обмундирование: шапка, шинель, бушлат, которые выдавали в начале службы, изнашивались, особенно шапка, и ехать домой «на дембель» в ней было просто стыдно, поэтому ее «меняли» у молодых, используя разные приемы. Наши старички поступали особенно хитро. В части была солдатская чайная, куда новобранцы, испытывавшие постоянный голод, им не хватало солдатского пайка, бегали каждый вечер. У входа в зал чайной находился небольшой тамбур с вешалками, на который предполагалось вешать верхнюю одежду, но все прибегали только в шапках. И вот над входом в зал чайной появился плакат: «Головные уборы оставлять на вешалке». Молодые дисциплинированные воины развесили свои шапки, и пошли поглощать булочки с чаем и маслом. Дембелям осталось только собрать шапки в вещмешки и уйти в свои казармы. Меньше всего изнашивались парадная фуражка и шинель, поэтому многие уходили на дембель в них.

Голод первых армейских месяцев проходил и новобранцы, привыкнув к рациону, начинали поправляться. Я призывался весом в 71 килограмм при росте 175 см., а через полгода службы поправился килограмма на четыре и приобрел второй подбородок.

В войсковую часть 20760 мы ехали целую неделю с 15 по 22 ноября. В Москву приехали ночью, так своеобразно исполнилась моя мечта уехать на учебу в этот город. После выгрузки из эшелона нас построили в переходе метро и разделили по воинским частям, а затем повели на электричку: часа через два мы прибыли к месту службы. Первые месяцы службы оставили тягостное впечатление. В том году в Подмосковье осень задержалась: снега не было, шли сплошные дожди, на асфальте стояли лужи, а нас выводили на строевую подготовку или на физо, когда мы делали пробежку по городку. Заместителем командира взвода к нам назначили младшего сержанта Торбу, выходца из Западной Украины. Потом я узнал, что среди сверхсрочников и офицеров было много украинцев, особенно с запада. Этот Торба, видимо получил бандеровское воспитание. Во время пробежки он загонял нас в лужу и командовал: «На месте». Мы, находясь в воде, усердно топали, брызги разлетались, а струйки влаги стекали внутрь по голенищам сапог. Торба учил нас ложиться в кровать и становиться в строй по командам «отбой» и «подъем». Упиваясь своим могуществом, он зажигал спичку и ждал, пока она погаснет, после чего шел проверять, как новобранцы выполнили команду. Однажды он так увлекся обучением отбою и подъему, что один из дембелей, собиравшийся в ближайшие дни увольняться подошел и сказал: «Хватит тебе издеваться над молодыми». Последовала перепалка между дембелями и

молодыми сержантами, которые учили нас армейской жизни. Эти сержанты только что закончили учебную батарею и вырабатывали на нас командирские навыки.

Вмешательство дембеля в процесс нашего обучения произошло потому, что одноэтажная казарма была разделена узким проходом на две половины. На одной обитали собиравшиеся домой дембеля, а на другой поместили нас, проходивших курс молодого бойца. Среди дембелей было много спортсменов: кандидатов и мастеров спорта по разным видам, которые продолжали упорно тренироваться. Запомнилась драка между дембелем и ефрейтором Абрамовичем, служившим второй год художником части. Он разрисовывал все ленинские комнаты и помещения штаба. Не знаю причин драки - это было избиение. Дембель был небольшого роста мастер спорта по боксу из Башкирии, а художник высоченный парень с Украины по фамилии Абрамович. Боксер наносил художнику серию ударов, тот бросался бежать, но боксер его догонял и снова бил. Старики вскоре вмешались и прекратили избиение. Пожалуй, это была единственная драка, которую я видел в части. За три года службы никто не тронул меня или моих знакомых, как и я других.

Наша часть входила в Московский округ ПВО и была ракетной базой. В случае массированного авиационного налета на Москву она должна была обеспечивать ракетами земля-воздух закрепленные полки, в которых ракеты стояли на боевом дежурстве, в полной готовности к пуску. В нашей части хранились ракеты в разной степени готовности. Одни полностью снаряженные находились на автомобильных тягачах, готовые по приказу двигаться в полки. Другие были просто погружены на тягачи, но их нужно было заправлять горючим и окислителем, вставлять боевую часть. Остальные лежали в громадных складах на специальных подставках, уложенные в два или три яруса. Для погрузки ракет в тягачи использовали мостовые краны. После курса молодого бойца я попал в третий отдел, который обеспечивал хранение ракет и боевых частей. Кроме него были первый и второй отделы. Чем занимался первый отдел, не помню, а вот второй отдел заправлял ракеты топливом и окислителем. Ребята из этого отдела ходили с противогазами, во время боевой работы они их одевали и дополнительно облачались в специальные защитные костюмы, похожие на те, что использовались при защите от радиации. Говорили, что окислитель очень ядовит и может поразить кожу и внутренние органы. Мне довелось служить на складах хранения боевых частей. Они лежали в несколько ярусов в складах, окруженных высокими земляными валами, открытыми в сторону леса, чтобы взрывная волна уходила в сторону от объекта. Нас было всего пять или шесть человек. Мы должны были в случае боевой тревоги загружать боевые части на машины. Из шести складов три стояли на боевом дежурстве, и мы должны были обеспечивать к ним подъезд автомобилей в любую погоду. За зиму, которую я провел на складах БЧ, понял, как мог Сусанин погубить поляков в подмосковной глуши. Почти каждую ночь шел снег. Утром, придя с развода в жилом городке, который был за три километра от базы, мы принимались

расчищать площадки перед складами и подъездные дороги. Обогреться было негде. Внутри складов даже электричество не было подведено, и они освещались через узкие окна электрическими фонарями с улицы. Внутри склада все перемещения боевых частей осуществлялись вручную при помощи ручных лебедок. Наша боевая задача состояла в том, чтобы загрузить БЧ на специальную тележку и по рельсам закатить на эстакаду, а с нее в кузов автомобиля. БЧ помещались в специальные укупорки, представлявшие из себя подобие бочек, состоящих из жести, обернутой обручами с прикрепленными деревянными брусками. Вес БЧ был разным от 300 до 500 килограммов. Вначале мы еле передвигали эти бочонки впятером, мешая друг другу. Через несколько месяцев мы с Толиком Барановским из Керчи кантовали их и грузили на тележку вдвоем, хотя вес оставался тем же.

Однажды по тревоге мы грузили машину, и при погрузке на нее такой бочонок упал с эстакады, высотой полтора метра, на землю. Запуганные инструктажами о возможной детонации, мы застыли, ожидая взрыва, но все обошлось. В наших складах не было не только электричества, но и отопления, чтобы согреться, мы бегали в другие склады, от которых в целях безопасности наши склады разместили на значительном удалении. Для расчистки снега нам выдавали деревянные скребки шириной по метру. По бокам их привязывались специальные лямки. Двое тянули такой скребок за лямки, а третий упирался сзади в деревянный черенок. Зрелище было занятным. Как-то ближе к весне на перекуре я сказал, что учился десять лет не для того, чтобы быть бурлаком. Вскоре командир батареи капитан Елхин позвал в свой кабинет и спросил: «Что не нравится снег чистить?» Я ответил честно, что не нравится, для этого есть техника. В окончании разговора он спросил, пойду ли я в учебную батарею, куда вскоре будет набор. Я без колебания ответил, что согласен.

Зимой 1965 года у меня был самый трудный день службы. С объекта всегда возвращались ближе к ужину после 6 часов и вот однажды после ужина, когда было свободное время и солдаты писали письма, общались или смотрели телевизор, завывала сирена. Воспоминания об этом противном вое мне не давали покоя еще долгие годы после армии. Мы быстро оделись, схватили карабины и построились перед казармой. Подошел капитан Елхин и скомандовал: «Шагом марш!» а затем «Бегом». До объекта три километра, а там до складов БЧ еще с километр. Пришли потные, согреться негде. Покурили и пошли искать пристанище. Часа через два прозвучал отбой тревоги. Пошли в городок. Пришли в казарму около двенадцати, лег в кровать, закрыл глаза и провалился в сон. Слышу, кто-то трясет за плечо. «Подъем». Открываю глаза - старшина Прыганов. Объявляет, что я в команде по разгрузке вагонов на котельной. Котельная в части была огромная. Она отапливала все склады объекта, кроме БЧ, и жилой городок. В сутки котельная сжирала несколько вагонов угля. На этот раз нам предстояло разгрузить три вагона. Разгрузка заключалась в том, чтобы открыть люки в днище вагона и уголь должен был высыпаться сам, но он не хотел этого

делать. Где-то вагоны попали под дождь, уголь смерзся и не высыпался вниз. В ход пошли длинные заостренные стальные прутья, которыми нужно было сверху, залезая на стенки вагона, протыкать уголь и сталкивать вниз. В казарму вернулись уже к завтраку. Чувствовал полное изнеможение. Хорошо, что нас освободили от службы, и мы спали до обеда.

Командовал нашим отделением по обслуживанию складов БЧ ефрейтор Хисаев, мой земляк, только из Западного Казахстана. При окончании учебной батареи он не смог хорошо сдать экзамены и выпустился ефрейтором вместо младшего сержанта. Это его уязвило, и он очень хотел стать сержантом, поэтому держал нас в ежовых рукавицах. Впрочем, ничего плохого, кроме мелких придирок он нам не делал.

Старшиной нашей батареи был старшина Прыганов. Двухметровый красавец откуда-то с Урала стал примером для нас новобранцев. Военная форма сидела на нем безукоризненно. Неторопливый, спокойный и четкий командирский голос заставлял его распоряжения выполнять беспрекословно. С нами молодыми он обращался очень корректно.

Запомнилась ночь перед новым 1965 годом. Вечер 31 декабря проходил спокойно: мы смотрели праздничную программу по телевизору, когда прозвучала команда строиться на вечернюю поверку. На переключке присутствовал командир батареи капитан Елхин. После поверки Елхин вызвал из строя сержанта Вартаняна, а каптеру приказал доставить молоток и тазик, а затем приказал принести посылку. Мы заинтересованно смотрели, ничего не понимая. Затем старшина вынул из фанерного посылочного ящика бутылку и подал Вартаняну вместе с молотком. Елхин приказал: «Бей!» Сержант ударил по бутылке и в тазик полился великолепный армянский коньяк. Дурманящий аромат напитка волной ударил по солдатскому строю, раздался шумный вдох. Я до этого момента никогда не ощущал неповторимый запах хорошего армянского коньяка. Старшина одну за другой доставал из посылки бутылки и подавал их Вартаняну, а тот разбивал их над тазиком для мытья полов. Когда все пять бутылок были разбиты, командир батареи скомандовал каптеру вылить коньяк в туалет, а осколки выбросить в мусорный бак. Не знаю, каким образом стало известно о содержимом посылки командиру батареи, так как их присылали на почту в жилом городке и солдаты получали самостоятельно. Благодаря капитану Елхину божественным напитком насладились не избранная группа, а всю новогоднюю ночь батарея смаковала запах чудесного армянского коньяка. Сомневаюсь, чтобы современные офицеры поступили подобным же образом с армянским коньяком? Скорее всего, они бы сами угостились им. Это происшествие никак не отразилось на службе сержанта Вартаняна.

Наряды на кухню

После курса молодого бойца я вскоре попал в наряд по кухне. Первое дежурство оставило в памяти самое отвратительное воспоминание. Нашу команду разделили по рабочим местам: кого-то отправили чистить картошку, других мыть посуду. Мыть нужно было не только алюминиевые чашки и

ложки, но и баки для приготовления пищи, что было малоприятным занятием, так как баки расположены на высоте до полутора метров. Мне досталось мыть полы в варочном цехе, где шло приготовление пищи. В столовой питалось около полутора тысяч солдат и во время приготовления пищи повара метались между разделочными столами и варочными баками или жарочными электросковородами. Они постоянно что-то проливали или роняли на кафельный пол, который сразу же становился скользким. Моей задачей было держать пол в сухом состоянии. Не знаю специально или случайно младший сержант Коробка находил облитый пол и требовал его вытереть. К концу дежурства я уже еле ползал. В это же дежурство нас послали в холодильник принести говяжью тушу. Несли вдвоем на носилках. Моя правая рука заныла от боли, сказалось старое растяжение, кисть разжималась, и я еле удерживал носилки. Стиснув зубы, дошел до кухни, не сказав напарнику ничего. В следующие наряды доводилось мыть посуду и чистить картошку, но никогда не было так трудно, как первый раз.

Учебная батарея

В учебной батарее я учился с апреля по октябрь 1965 года. Там из нас делали младших командиров. Большое внимание уделялось изучению уставов, строевой и физической подготовке. От многочасового топанья на плацу болели икры ног, но приходилось терпеть. Много позднее узнал, что строевая подготовка вырабатывает не только строевой шаг, но и меняет психику человека, приучая беспрекословно выполнять команды. Первое время армейской службы многие правила казались бессмысленными. Потом только понял, что тем самым из нас выбивали анархический дух гражданки. Нам вдалбливали нехитрые армейские и, как оказалось, жизненные истины: «Не плюй против ветра», «Прав тот, у кого больше прав» и тому подобное.

Запомнились сержанты учебной батареи. Это были настоящие солдаты. Большинство из них было призвано из кубанских станиц. Сухощавые и подтянутые они с шиком носили солдатскую форму. Даже гимнастерка была заправлена под ремень с особым фасоном и честь они отдавали по-особому. С усмешкой приходится наблюдать, как современные актеры напяливают военную форму, совершенно не умея ее носить, и никто их не может проконсультировать. На наших сержантах простая хлопчатобумажная гимнастерка и брюки сидели молодцевато и красиво. Думаю, что к концу третьего года службы, мы тоже научились носить солдатскую форму. Командиром учебной батареи был майор Панченко, который вместе с нами преодолевал кроссы: только он на велосипеде, а мы – бегом.

Баумановская плодоовощная база

Одним из самых приятных воспоминаний об учебной батарее была работа на Бауманской плодоовощной базе. В один из августовских вечеров нам объявили, что завтра поедем на плодоовощную базу. Сказали, что выдадут сухие пайки, которые нужно будет положить в вещмешки. Утром подошли автобусы, и мы поехали в Москву. Бауманская плодоовощная база

поразила своими размерами. Склады возвышались над землей и уходили под землю. Железнодорожные вагоны-рефрижераторы с овощами и фруктами заходили прямо в склады. Вначале я попал на переборку картофеля. Выбирать из громадной кучи гнилые картофелины было не очень приятно. Но вскоре, кто-то из ребят сообщил, что в соседнем складе хранятся фрукты и мы вдвоем или втроем пошли на разведку. Когда вошли в склад в нос ударил запах цитрусовых. Деревянные ящики с яблоками, апельсинами и мандаринами возвышались на три-четыре метра. Для того чтобы набрать фрукты нужно было взбираться наверх. Вот тут-то и пригодились вещмешки. К концу работы мы все еле дышали, так плотно были набиты наши животы мандаринами. Нас пугали проверкой при выезде, где заставят вытряхнуть из вещмешков фрукты, но почему-то никто этого не сделал. Вечером вся батарея поглощала привезенные нами мандарины. Видимо руководство базы и наши офицеры были не против того, чтобы солдаты покушали фрукты.

Отеческое отношение к солдатам ощущалось очень часто. В эти годы открылся широкоформатный кинотеатр Победа на площади Пушкина, когда мы с Мишкой Радько подошли к контролерам с просьбой пропустить внутрь, нас не только пропустили, но и проводили на свободные служебные места. Точно так же мы посещали цирк и выставку Экспо-66. Однажды я пришел в московскую столовую и, выбрав обед, подошел рассчитываться. Взрослая женщина, посмотрев на мой обед, сказала, что сама выберет для меня. Она убрала дорогие и не сытные блюда, заменив их более дешевыми и калорийными. При этом заметила, что ее сын тоже где-то служит.

Служба в штабе

После окончания учебной батареи выпускников обычно направляли в те подразделения, которые их направляли на учебу. Со мной поступили иначе. Я попал в строевую часть штаба. В строевую часть стекалась вся информация по личному составу, как солдат, так и офицеров. Учитывалось прибытие и убытие тех и других, постановка на питание, командировки и отпуска, ведение учетных карточек солдат и личных дел офицеров. В подчинении у меня был один ефрейтор, которым стал мой земляк и друг Стас Седлецкий, призванный из Петропавловска. Мы не знали нарядов и маршировок на плацу, а просто работали по двенадцать часов в сутки. В строевой части невозможно было сачковать, так как обязанностей было много и все их нужно было выполнять, так как невыполненная работа станет сразу же известной. Сначала мы жили в батарее управления и после подъема бежали на зарядку, затем шли на завтрак и после него в штаб. Каждый день издавался приказ, который мы писали чернилами в книге приказов. Шариковых ручек еще не было. Приказ на следующий день подписывали начальник штаба и командир части. Кроме книги приказов им на подпись мы готовили массу других документов. Каждый день в определенные часы я шел на подпись вначале к начальнику штаба, а затем к командиру. Подготовка этих документов занимала уйму времени. Кроме того мы должны были после обеда нести в столовую заявки на питание на следующий день, в которых

указывалось число, стоящих на питании, по каждому подразделению. Эти заявки были секретными, а относил их на кухню Стас и забирал старые. Книга заявок тоже была секретной, в нее подшивались полученные с кухни заявки. Каждый месяц книга сдавалась в архив секретной части. Однажды оказалось, что двух листов не хватает, последовало наказание. Мне погрозили пальцем, а Стаса перевели дежурным на КПШ. Вместо него пришел ефрейтор с громкой военной фамилией – Савицкий. В конце второго года службы нас штабистов перевели жить на территорию базы, в пожарную часть, выделив отдельный кубрик, где жило пять штабных. Здесь было вольготно, нас никто не проверял, но могли разбудить посреди ночи и позвать в штаб.

После того как в 1966 году нашу ракетную базу преобразовали в ремонтный завод резко поменялся офицерский состав. Пришли офицеры послевоенного призыва. Это были карьеристы, боявшиеся гнева начальства и не желавшие подставляться. Мой начальник, фронтовик майор Майстренко ушел в запас. Это был смелый человек. Однажды, в начале моей службы в штабе, он увидел, как я вскакиваю, приветствуя каждого входящего в комнату офицера, и сказал: «Ты должен вставить, приветствуя только командира части, начальника штаба и перечислил остальных полковников, а перед всеми остальными сиди, иначе тебе некогда будет работать, если кто будет возмущаться, посылай ко мне, я разберусь». Он был строгим, но справедливым офицером.

На смену начальнику штаба полковнику Куминскому, называвшему меня сыном или Васей, пришел подполковник Борисов – офицер послевоенной формации, не нюхавший пороха, для которого солдат был служебной скотиной. Это был держиморда не советской, а еще царской формации. Он не следил за речью, от него я впервые услышал казарменный мат и обещание повесить меня за сокровенное место на люстру, если я что-то сделаю не так. Вскоре его тоже не стало, а моим единственным начальником стал майор Иванов, который назывался начальником отдела кадров, строевого и режима. У него было два помощника: по режиму – капитан Тимохин, а по части строевой и кадрам – я.

Майор до перевода в штаб служил командиром роты охраны и не знал штабной службы, поэтому на первых порах я ему подсказывал. Однажды при отправке ракет на стрельбу, произошла какая-то заминка с документами, о которой нужно было докладывать командиру. Вижу, что он не решается идти к нему, и тогда говорю, что доложу сам. Поднялся к командиру, доложил, тот с недовольным видом приказал быстрее разобраться и на этом инцидент был исчерпан. Этот случай, видимо, запомнился Василию Ивановичу, он так не хотел отпускать меня в запас в 1967 году. Предлагал перейти на сверхсрочную, обещал квартиру в военном городке и продолжение учебы в ВУЗе Москвы, куда был час езды на электричке. Василий Иванович был прекрасным человеком и хорошо ко мне относился. Когда ко мне приехал отец, он взял его к себе домой и тот жил у него пару дней. После службы я

приходил к нему на встречу с отцом, и он привечал нас как родных. На втором и особенно третьем году службы я чуть ли не каждое воскресенье ездил в увольнение в Москву. Даже в дни, когда увольнения были запрещены, Василий Иванович мне разрешал. Правда, за два года службы с ним я его ни разу не подвел. Когда через два года после армии мне понадобились характеристики для вступления в члены КПСС, я ему написал, и вскоре пришли характеристики от него лично и от комсомольской организации.

Случай в метро

Однажды я был в увольнении в Москве и, находясь на станции метро, увидел, как стоящая рядом со мной на краю платформы девушка крутит туфель на каблуке, а он свалился с ноги и упал вниз на пути. Не раздумывая, я спрыгнул вниз, поднял туфель и вмиг выскочил вверх. Девушка надела туфель благодарно кивнула, но уже лилась трель свистка и ко мне бежала дежурная по станции и милиционер. Когда они начали кричать на меня, я не понял за что, так как не знал, что прыгать на пути опасно. Видя, что я приехал из далеких степей и совершил прыжок не по злему умыслу, а по неведению, они успокоились и отпустили меня, хотя могли сдать в военную комендатуру.

В один из осенних дней я приехал в Москву, а в городе шел сильный дождь. Тогда я решил не бродить по сырым улицам, а посмотреть метро. Спустился на одной из станций и поехал, выходя на каждой станции. Путешествие длилось целый день. Посещенные станции я не считал, но впечатление осталось грандиозное. Метро поразило своим великолепием. Даже в метро мы пользовались льготами. Дежурные разрешали нам проходить через служебный вход.

Задержание самовольщика

Летом на третьем году службы в воскресенье я остался в части и около штаба увидел знакомого офицера, который подъехал на Газ-69. Мы поздоровались, и он спросил, хочу ли я поехать с ним на машине в Орехово-Зуево, куда они направлялись патрулировать город в поисках нарушителей воинской дисциплины. Недолго думая, я согласился, так как еще не бывал в этом городе. Патрулирование заключалось в том, что офицер и пара солдат кроме меня ездили по городу на машине. Увидев солдата, они выходили из машины, проверяли документы и мы ехали дальше. Один из встреченных солдат шел по противоположной стороне улицы. Офицер приказал ехать к нему. Тот пригляделся и, увидев в машине военных, бросился наутек. Машина остановилась, офицер приказал патрульным догнать его. Я оторопел, неужели он и меня заставит догонять самовольщика. опережая события, я заявил, что догонять не буду. Работа в штабе освободила меня от командования солдатами, и я не мог представить, что буду догонять своего собрата с целью отправить на гауптвахту. Офицер все понял и сказал, что приказ догнать меня не касался.

Украинцы в части

После событий на Украине в 2014 году, когда украинцы объявили, что семьдесят лет были под российской оккупацией, я по-новому оценил многие события времен службы в армии. Вспоминается обилие украинских фамилий среди командования части и командиров, окружавших меня. Из пяти полковников, составлявших высшее командование части, которая приравнивалась к дивизии, русская фамилия была у командира Василия Ивановича Ларионова и главного инженера, инженер-полковника Махова, а остальные: полковник Куминский – начальник штаба, полковник Осецкий – начальник политотдела, и полковник Манько – зам. по тылу, носили фамилии, говорящие об их украинских корнях. Среди моих непосредственных командиров были командир учебной батареи майор Панченко, начальник строевой части, у которого я служил в непосредственном подчинении – майор Майстренко. В штабе я сменил старшину Лиманского, который перешел в часть с ядерными боеголовками, располагавшуюся внутри нашей части. Я уже упоминал о младших сержантах Торбе и Коробе, которым довелось мною помыкать.

В памяти отложился один разговор, который мы вели во время перекура в 1965 году. Бывшие среди нас выходцы с Западной Украины начали рассказывать, как хорошо они заживут, когда освободятся из-под власти Москвы. Вася Лазарук, служивший на складе секретных ЗИП-ов поведал, что у них в Львовской области война с бандеровцами продолжалась до 1955 года, то есть, они прекрасно помнили эти события. Лазарук перед дембелем отправил на родину десять посылок с секретными узлами от управления ракетами. При дембеле были обнаружены квитанции от этих посылок и к нему домой ездили майор и два солдата, чтобы вернуть их в часть. Об этом я узнал от бывших сослуживцев позднее. Уроженец Донецка Коля Дыхно исходил ненавистью к Советской власти. Он был призван на учебу после первого курса Львовского университета. Мы с ним часто беседовали на разные темы, но всегда возвращались к независимости Украины, и каждый раз он начинал доказывать, что она не свободна. Мои доводы о том, что руководители СССР Хрущев и Брежнев – выходцы из Украины не действовали. После распада СССР на Украине была неблагоприятная для народа обстановка и, каюсь, я злорадствовал: вот вам и независимость, что-то она не идет на пользу.

Дружеские отношения у меня сложились с другим студентом Львовского университета Михаилом Радько, родители которого жили в Львовской области, Пустомытовском районе, селе Будьки. Мы перед дембелем обменялись адресами родителей, и я запомнил его адрес, а прошло чуть меньше шестидесяти лет. С Михаилом мы ездили вместе в увольнения в Москву, в которой ходили по музеям, выставкам, посетили цирк и международную выставку Экспо – 66.

Сегодня у меня возникает вопрос, каким образом выходцы из Западной Украины назначались на должности, связанные с самыми секретными участками службы. Лиманский перешел в часть, оснащенную

ракетами с ядерными боеголовками, Радько был командиром в секретной части, куда стекались все самые секретные данные. Каждый офицер-инженер утром получал свою рабочую тетрадь, куда мог делать записи, а вечером ее сдавал в секретную часть. Лазарук вообще служил на складе, где хранились самые секретные узлы ракет. Те, кто их назначал, словно не знали, что на их родине только десять лет назад прекратилась война с бандеровцами. Или кто-то это делал специально?

Среди моих земляков из Северного Казахстана было много ребят с украинскими фамилиями, но все они считали себя русскими. Национальный вопрос между солдатами не стоял вообще. У нас не было деления по национальному признаку. Даже на «западенцев», которые рассуждали об отделении от Москвы, мы смотрели как на чудаков и не чувствовали к ним неприязни. Казахи, служившие в части, были для меня земляками. Помню солдата первогодка из пожарной команды, призванного из Восточного Казахстана, которому я чем-то помог, и он стал с благодарностью ко мне относиться. Перед дембелем он сам подошел ко мне и предложил свой новый бушлат. Мой старый за три года поизносился. Когда в последний день мы прощались перед отправкой, на его глазах стояли слезы. Считаю, что армия много мне дала в части формирования характера и ответственности за порученное дело, научила усидчивости и самоконтролю.

Дорога в учителя

Я с детства видел стопки тетрадей, над которыми по вечерам сидел отец, и его работа никогда не представлялась мне привлекательной. Когда в первых числах сентября 1963 года я приехал домой, и родители сказали, что будет хорошо, если я последнюю зиму перед армией проведу дома и поработаю в начальной школе вместе с отцом, у меня не возникло возражений. Так через несколько дней я стал учителем третьего класса Хлеборобовской начальной школы. Жителями Хлебороба или Ландмана, по-немецки, были переселенные в войну немцы Поволжья. Только наша семья была русской, но у меня не возникало никаких сложностей в общении со сверстниками. На летних каникулах я работал вместе с ними в совхозе, ходил в клуб на танцы, начал понимать разговорную речь, но в качестве русского учителя немецких детей я себя не представлял. Однако дело пошло нормально. Программу учащихся третьего класса я знал и решал вместе с ними задачи по математике, да и остальные предметы мог объяснить. Видимо мне помогала хорошо поставленная речь. Еще в десятом классе учитель по литературе восхищалась моими устными ответами, до первого сочинения, когда она спросила: «Мальцев, ты ли это?» Так ее поразило мое убогое письмо.

После успешной сдачи экзаменов в Петропавловский пединститут летом 1964 года, я попросился перевести в среднюю школу. Меня перевели в Молодогвардейскую школу учителем физкультуры и дали классное руководство в пятом классе. Не знаю, как я работал с этими детьми, прошло больше шестидесяти лет, но в памяти остался день отъезда в армию, когда

весь класс пришел к узкоколейному поезду проводить меня. Каждый из них держал открытку со своими напутствиями. Я был растроган. Уезжая в армию, я еще не знал, что свяжу дальнейшую жизнь со школой и детьми. Когда после службы армии, я вернулся в эту же школу, мне дали тех же детей только в восьмом классе и ту же физкультуру. Не знаю, каким я был физруком, но в конце учебного года проводились легкоатлетические районные соревнования по пионерскому четырехборью и моя команда заняла первое место, опередив команду Ново-Узункульской школы, которую тренировал физрук с высшим образованием. Его звали Владимир Иванович Сидоренко и он на меня обиделся. В конце лета я перешел на работу в эту школу, и у нас сложились нормальные рабочие отношения.

Окончательно я убедился, что школа и дети мое призвание, когда подходил к концу третий год службы и я увидел во сне, как захожу в класс к ученикам. Сразу проснулся с очень радостным и необычайно легким чувством. Мне снова захотелось прийти в класс к детям. Тогда я был атеистом и не понял, что мою судьбу решили небеса. Такие сны просто так не снятся. В моей жизни была пара моментов, когда я уходил из школы по не зависевшим от меня причинам, но вскоре возвращался. Об этом дальше.

1945-1965 гг. – двадцатилетие прогресса. Сталин и Хрущев

Первые двадцать лет моей жизни, когда проходило взросление, остались в памяти как двадцатилетие прогресса. Никогда позднее не происходило столько изменений в лучшую сторону как в это время. Война обескровила деревню: на фронт ушли не только молодые и наиболее деятельные мужчины, но забрали лошадей, тракторы и автомобили. Коровы стали не только кормилицами, но и тягловой силой. На них стали пахать пашню и выполнять другие работы, а женщины превратились в главную рабочую силу. Помню летом, только всходило солнце, и бабушка собиралась доить корову, в окно раздавался стук и мужской голос сообщал, куда она должна идти работать. Это приходил бригадир, который «загадывал» на работу. Подоив корову и приготовив нехитрый завтрак, состоящий из молока, хлеба, картофеля и овощей, если они созревали, и в лучшем случае яиц и куска сала, моя бабушка уходила на работу. Летом пропальвали овощи, а во время уборки урожая провеивали зерно на ручных веялках. Это был агрегат, состоящий из металлического каркаса, обтянутого жестью и деревянными планками, в котором помещался вентилятор, в виде лопастей закрепленных на оси. Эту ось вращали руками два человека и лопасти создавали поток воздуха, который очищал зерно от примесей. Нет смысла рассказывать об устройстве веялки, главное заключается в том, как она работала. С двух сторон веялки имелись ручки, которые нужно было вращать, чтобы создать движение воздуха. Вращать нужно было быстро, так как медленное вращение не создавало нужного потока воздуха, и зерно выходило сорным. Кроме вентилятора в веялке имелись сита, через которые просеивалось зерно. Эти сита тоже приводились в движение при вращении того же вала. Некачественная работа была сразу видна. Становится дурно,

когда я представляю, что целый день кручу этот барабан, как это делала моя бабушка и ее напарницы.

Хлеб пекли из муки, которую мололи на самодельных жерновах, состоящих из двух толстых чурбаков, поставленных один на другой. В центре верхнего сверлилось отверстие, через которое засыпалось зерно и падало вниз. На верхней чурке имелаась ручка, за которую агрегат приводился в движение. Для того чтобы помол происходил лучше в чурки забивались металлические предметы, между которыми зерно не молось, а дробилось, о качестве муки говорить не приходилось.

Главным бичом конца 1940-х годов было отсутствие электричества. Все машины приводились в движение тракторами, животными или руками. Но тракторов было мало, животных тоже, а руки уже были изработанные, с подорванным здоровьем. В 1950-е годы характер труда стал стремительно меняться, началась всеобщая электрификация. В начале в каждой деревне устанавливался электрогенератор, приводившийся в движение тракторным двигателем, а к каждому дому подводились провода и в комнатах вешались электрические лампочки. Свет давали только утром и вечером. Вскоре подросли и государственные электросети. Вначале электрифицировали железную дорогу - Транссиб, а затем и прилегающие районы. Электричество коренным образом изменило жизнь. Электродвигатели начали использовать на производстве: очень стремительно ушли из памяти ручные веялки, вместо них появились сложные агрегаты для очистки зерна, приводимые в движение электродвигателями. Электричество стало стремительно менять быт. Деревни до электрификации представляли неприглядное зрелище по ночам. До восхода луны они были погружены в непроглядную тьму. Идти по дороге было опасно, так как ямы не были видны, поэтому карманные фонарики на батарейках были единственным спасением от мрака. Когда поздним вечером приходилось идти по улице между темных домов, из окон которых пробивался тусклый желтоватый свет, слабо освещавший пяточок земли у дома, было жутко. По этой причине рассказы о всевозможных оборотнях в виде свиней, собак или кошек, в которых превращались ведьмы и ведьмаки были очень популярны. Мои тетушки пугали меня такими рассказами.

Радиоприемник на батарейках отец принес домой, когда я еще не ходил в школу, и я, надев наушники, стал часами слушать передачи для детей, пока однажды не заболела голова. После этого мои радиосеансы стали ограничивать. Со середины 1950-х годов люди начали приобретать мотоциклы, в 1960-е годы - стиральные машины, холодильники, радиоприемники и телевизоры. Эти изменения происходили стремительно и внушали нам молодым оптимизм, что и в дальнейшем жизнь будет меняться только к лучшему.

Эти двадцать лет остались в моей памяти как годы моего взросления, в 1945 году я родился, а в 1965 служил в армии. В это время коренным образом менялся быт деревни. Если воспоминания моего детства начались с керосиновой лампы, земляных крыш и полов в избах, ручных веялок то к

1965 году была осуществлена полная электрификация всех сел, которая позволила внедрить в производство машины, о которых раньше только мечтали. Когда я приехал в отпуск из армии в 1965 году, мать поджарила мне яичницу на газовой плите. Я служил в Подмоскowie, где в селах газа еще не было. Повсеместно начали ходить автобусы и электрички, самолеты летали не только между большими городами, но и внутри области. Это время началось с землянок, бараков и коммуналок, а к концу его шло массовое строительство хрущевок. Сегодня их называют презрительно «хрущебами», но тогда трудовой люд был безмерно счастлив, когда получал отдельную благоустроенную квартиру. За двадцать лет неузнаваемо изменилось производство и быт не только советской деревни, но и всей страны. Ничем подобным не могут похвастать современные реформаторы.

И.В. Сталин и Никита Хрущев

Не могу не вспомнить о руководителях нашей страны, которые правили в то время, и об отношении к ним близких людей. Помню, что мои тетки обсуждали, что значит быть гением? Разговор шел о Сталине. Бабушка просила меня не болтать лишнего. Когда умер Сталин, мне было восемь лет и в памяти всплывают воспоминания о том, как оплакивал его смерть отец. Фронтовик, ставший инвалидом, отец его искренне любил и уважал до самой своей кончины. Второй раз я видел отца плачущим на похоронах моего младшего брата Коли. Больше я его слез не помню. Мать тоже осталась всю жизнь преданной памяти вождя, и мы с ней спорили по этому поводу уже в начале 1990-х годов. Только в 2000-е годы я понял, как был глуп сам и как мудры были они. Они видели страдания людей во времена коллективизации и Отечественной войны, но понимали объективные причины трудностей того времени и не винили в них Сталина. Отец по этому поводу говорил: «Время было такое», а еще он говорил: «Лес рубят, щепки летят». В старших классах я спорил с ним, доказывая, что подобная позиция противоречит демократическим принципам. Только сейчас, увидев массовое разложение общества, я понял, чтобы в государстве навести порядок, нужна очень жесткая политика.

Сегодня людей пугают «сталинскими репрессиями», но пережившие те времена, как-то не слишком сильно боялись их. Следует несколько слов уделить периоду репрессий. Период 1937-38 годов назвали периодом «большого террора», обвиняя во всем Сталина, который говорил, что по мере продвижения к социализму классовая борьба будет обостряться. О правоте Сталина говорит факт того, что в сегодня в России реставрирован капитализм в самой отвратительной олигархической форме. Следует вспомнить, что репрессии против врагов начались при жизни В.И. Ленина в самой массовой форме. Назывались они партийными чистками. Придя к власти, партия стала привлекательной для многих проходимцев, которые желали устроить свое благополучие, прикрываясь партийными билетами. Ленин, видя такую ситуацию, инициировал проведение в 1921 году Генеральной чистки, которая заключалась в исключении из партии случайных или враждебных элементов.

В первую очередь исключались бывшие меньшевики и представители буржуазных партий. В течении года из партии было исключено более трехсот тысяч человек. В течение всех 1920-х годов проводились локальные чистки в регионах или отраслях хозяйства. Вторая массовая чистка состоялась в 1929 году, когда из партии было исключено более ста тысяч человек. В 1933 году состоялась новая чистка, в результате которой из партии было исключено около 400000 тысяч человек. Сталин озвучивал, что с 1921 по 1933 год из партии было исключено 800000 человек.

С репрессиями в ранние годы жизни я не сталкивался. Слышал об арестах, но под них попадали за обычные уголовные преступления. Сроки, которые за них давали, были от одного года до пяти лет. Их не сравнить с сегодняшними наказаниями, когда пять лет считаются маленьким сроком.

К действительно репрессированным можно отнести только чеченцев, около десятка семей которых особняком жило на краю нашей деревни. Были еще и немцы Поволжья, но с ними я столкнулся позже. Чеченцы запомнились окладистыми черными бородами и калошами, в которых они ходили зимой. Вместо валенок носили высокие, толстенные шерстяные носки, в которые заправляли брюки и надевали на них калоши. Это были красивые степенные люди. Иногда некоторые из них бывали у нас дома. Не помню, чтобы между ними и местными жителями были инциденты. Знаю, что они раз в месяц вместе с немцами Поволжья, тоже переселенными в наши места, отмечались в комендатуре. Много рассказывают о бедах, которым подверглись депортированные народы, однако в то время вся страна жила не лучше. О том, что эти народы после возвращения на родину обрели равные права, говорят имена Руслана Хасбулатова – председателя Верховного Совета РСФСР, генералов Джохара Дудаева и Руслана Аушева, которые раннее детство провели в наших краях.

При Сталине произошел необычайный подъем нашей страны, которая выиграла войну, вышла на второе место в мире по экономическим показателям и сравнялась с США по военной силе. Был заложен фундамент экономической и военной мощи, который никак не могут разграбить, на нем уже тридцать лет держится суверенитет России. Многие историки и интеллектуалы называют времена Сталина наивысшим расцветом в истории России.

О репрессиях я стал узнавать только после 1956 года, когда Хрущев «разоблачил» культ личности. Он хотел заработать авторитет этим «разоблачением», а точнее клеветой, как доказали современные историки, но вышло наоборот, он стал посмешищем. Ни про одного из наших руководителей я не слышал столько анекдотов, сколько рассказывали о Хрущеве. В народе его называли Никиткой или кукурузником за то, что он из Америки привез идею о выращивании кукурузы, но ее стали высаживать там, где она не растет, что вызвало соответствующую реакцию народа. Большинство его действий были необдуманными и подрывали не только авторитет его и государства, но дискредитировали идею социализма. После

данного в 1961 году обещания построить коммунизм к 1980 году, начались перебои с обеспечением хлебом. Это происходило после поднятия целины, которая должна была накормить страну. Удавливание кооперации и приусадебных хозяйств в деревне, поселках и небольших городах было продолжением коллективизации. Когда в 1964 году Брежнев сменил Хрущева, то о нем никто не жалел и тем более не плакал. Только либеральные недоброжелатели советской власти создали миф о хрущевской оттепели, которую Ю. Спицын назвал «хрущевской слякотью».

Годы моего взросления пришлось на время острой политической борьбы, когда партийная номенклатура стремилась освободиться от ответственности за свою работу, как от наследия Сталина. Это делалось под видом уничтожения культа личности и демократизации. На самом деле демократизация состояла в том, что стали безбоязненно рассказывать бесчисленные анекдоты про Хрущева. Их рассказывали взрослые и дети. Хрущев поистине стал героем народных анекдотов. Говорили, что их придумывали агенты ЦРУ. Его политика по разделению партийных комитетов на сельские и городские, введение Совнархозов, разгром подсобных хозяйств колхозников и жителей городских поселков вносила не только анархию в государственное управление, но и подрывала благосостояние основной массы трудящихся. Народ видел в Хрущеве клоуна и его авторитет был необычайно низок. Муж моей тети Маруси, железнодорожный стрелочник Иван Иванович Коршунов называл его «Микиткой».

Хрущев выискивал среди партийного и государственного аппарата людей, которые могли составить ему оппозицию, и отстранял их от власти. Он отправлял их в ссылку в отдаленные районы страны, предоставляя незначительные должности. Так председатель совета министров Г.М. Маленков, который помог Хрущеву пробиться к власти, в 1957 году оказался на посту директора электростанции в Казахстане. Еще более подло Хрущев расправился с Г.К. Жуковым, который не допустил отстранения его от власти в июне 1957 года. Уже в конце октября того же года Хрущев отправил его на пенсию.

Недаром Хрущева в последствии обвинили в волюнтаризме и троцкизме. По-видимому, сам он не понимал последствий своих реформ, а за его спиной стояла какая-то очень умная и могучая сила, которая направляла по пути разрушения советского строя. Антисталинисты часто говорят о надуманном «деле врачей», но никто не упоминает, о том, что в деле фигурировал сионистский заговор, о котором ничего не известно. Сегодня многие историки говорят, что Сталин был отравлен, это подтверждает наличие заговора. Западные политики признали, что Хрущев нанес самый мощный удар по Советскому Союзу. Почти никто не видит связи между тем, что доклад был прочитан в феврале 1956 года, а в конце этого года в Венгрии произошел контрреволюционный путч. Хрущев, «разоблачая» Сталина, подрывал авторитет советского социализма в глазах всего мира, разорвал

дружбу с Китаем и нанес непоправимый удар по мировому коммунизму. Дети Хрущева выехали после его смерти в США, где проживают и сейчас. Это говорит о том, в какой идеологии он их воспитал.

Хрущев объявил, что коллективные хозяйства должны обеспечить продуктами не только города, но и деревни. Личные подсобные хозяйства урезались до безобразия. Ограничивалось как количество земли в личном подворье, так и количество живности. Хрущев потребовал сдать государству лишних коров, овец, свиней и даже курей. Помню, у деда была лошадь, которая служила ему много лет. И вот принят новый закон, по которому можно было держать только корову или лошадь. Но как кормить корову, если не на чем привезти сено. Дед безрезультатно ходил по кабинетам, добиваясь разрешения на содержание лошади. Раскулачивание начала 1930-х годов было кратковременной и болезненной акцией. Хрущев провел не менее жестокие, но совершенно бессмысленные реформы, которые растянулись на многие годы и лишили мужика смысла его жизни. Зачем упорно трудиться, если тебе не позволительно иметь лишнюю животину или сотку земли, если спекуляцией считается продажа продуктов, выращенных собственным трудом. Помню, когда были введены ограничения на размеры приусадебного участка, колхозники ставились перед выбором оставлять участки для посадки картофеля или сад. Картофель был нужнее, приезжал трактор и перепахивал малину, смородину и даже яблони, а потом эта пустошь зарастала бурьяном, так как колхоз на таких клочках не мог ничего посеять.

Хрущев нанес первый удар по мировому социализму и советскому строю. Разоблачение культа личности было сделано так, что на Сталина возложили ответственность за все негативные явления, происшедшие в жизни государства. Это сопровождалось безудержной клеветой: число репрессированных бессовестно завышалось. Солженицын довел число репрессированных до 60-70 миллионов человек, а его последователи стали считать репрессированных сотнями миллионов.

Миф о кровавом тиране Сталине расколол мировое коммунистическое движение. Китай и Албания стали критиковать КПСС и отмежевались от СССР. Зарубежные коммунистические партии потеряли популярность и влияние. Хрущев не понимал, что заразил ядом нигилизма молодежь, как внутри СССР, так и за его пределами. После него появились поколения людей, утратившие веру в коммунистические идеалы, которые разрушили СССР и реставрировали капитализм. В это время на Западе появляется философское движение постмодернизма, которое отвергает всякую истину и идеалы. Нигилизм расцветает пышным цветом и давит все здоровые мысли.

Среди молодых людей, заразившихся во времена Хрущева нигилизмом, был и я. Впрочем, таковыми было большинство молодых людей, с которыми я общался.